

Часть пятая

В ПОБЕДНОМ 1945-м

В конце 1944 года Красная Армия завершила изгнание врага из пределов Советского Союза и перенесла войну на территорию Германии и ее бывших союзников. Лишь в Курляндии советские войска прижали к морю и добивали остатки 16-й и 18-й армии немцев. Войска США, Англии и Франции стали активнее вести боевые действия в Европе. Германия оказалась зажатой между двумя фронтами. Но, несмотря на огромные потери, понесенные гитлеровцами за предыдущие годы войны, немецкая армия была еще сильна. Она насчитывала в своих рядах 7,5 миллионов человек, имела 299 полнокровных дивизий, в том числе 33 танковые, 16 моторизированных и 31 бригаду.

На советско-германском фронте с немецкой стороны сражались 10 полевых и 4 танковых армии, 3 воздушных флота и внушительные военно-морские силы на Северном и Балтийском морях. Кроме того, против советских войск действовали 1-я и 3-я венгерские армии. Ко всему этому надо добавить упорство, с каким немецкие и венгерские войска воевали на их собственной земле. Так что завершающий год войны был не из легких. Но большие стратегические проблемы по разгрому гитлеровских полчищ давайте оставим решать большим военачальникам, при всем уважении к ним, поговорим о главных, непосредственных “пахарях” войны, рядовых солдатах и сержантах, вынесших на своих плечах все ее невероятные тяготы и горести, и добывшие Великую Победу для всего человечества. Мы никогда не должны забывать, что военная история страны складывается из историй и судеб отдельных людей. Собрать и сохранить память о самых обыкновенных и в то же время вовсе не обыкновенных, неповторимых боевых историях своих земляков, рассказанных ими самими или их боевыми товарищами - наша сыновья обязанность.

РЯДОВЫЕ ПАХАРИ ВОЙНЫ

Перед вами боевая судьба рядового большой войны Максима Никифоровича Захарова из глухой деревеньки Ирюм Шатровского района Курганской области.

Максима Никифоровича все знали в селе. Не мудрено — здесь родился, отсюда уходил на войну, сюда вернулся с фронта. Здесь свадьбу сыграли с Марией Сергеевной, здесь и детей народили — Галину, Елену, Надежду, Валентину, Михаила. Отсюда, от этого порога, каждый день Захаров отправлялся после войны на свой мирный плацдарм...

Кто воевал, на всю жизнь остался солдатом. Сброшены шинель, пилотка, кирзовые сапоги, в которых протопано пол-Европы, но войну из памяти и сердца не сбросишь. Она прошла сквозь жизнь, как каленое железо. И, как ни прячь, отметина осталась. Под гражданской одеждой — солдатское сердце. Помнит, помнит оно бывшее, далекое уже и еще такое близкое. Горечь потерь, радость побед... Все - вперемешку. Это, как горелая рожь: сколько ни перебирай, ни проветривай, все равно будет горчить и дымом припахивать.

Призвали Захарова в июне 41-го. На девятый день войны принял боевое крещение. Его окружали, а он выходил. Как-то 17 суток пробирался по болотам и лесам голодный. Но винтовку держал в руках. Его стремились фашисты убить, да только ранить получалось. В госпиталях лечили и снова шел солдат в бой.

“Солдат я был справный... - вспоминал Максим Никифорович, - А как не быть, действительную отслужил, потом на сборах бывал. В сороковом на Карельском перешейке довелось быть. Чтобы подвигов и геройства какого — у меня не было. Винтовку свою любил, как невесту, пулемет, пушку... Бывало в бою всякое, но оружие всегда берег. И оно меня берегло...”

Не помнит он названий дорог и поселков, болот и лесов, мелких рек, малых и крупных деревень. Не помнит номера частей, которые воевали рядом. Не помнит, а может, не знает, потому что был он — Максим Захаров — рядовой боец от первого дня до последнего, потому что перед ним была война, и шел он по этой войне в защитной гимнастерке, серой шинели пешком в сапогах сорокового размера. Когда надо было стрелять — стрелял, когда ползти на проволоку - полз, когда надо было входить по грудь в ледяную воду - шел и под снегом лежал, и гранаты бросал, и из окружения выходил, и из лазарета в бой рвался, а когда выдавали боевые сто граммов — пил. Он все делал, и теперь мы, отодвинувшиеся от войны и воспитанные на выдающихся ее примерах, воспринимаем рядового Максима Захарова историческим фоном для событий более значительных, чем пехотная атака в безымянном поле, или артиллерийская дуэль на прямой наводке с немецкими танками или подвигов более ярких, чем захват вражеских окопов, политых кровью, как водой. Хотя из этих (и похожих на эти) событий, обычных на первый взгляд, и складывалась наша Великая Победа.

Героизм на фронте, как правило, был неотличим от долга... Да, для того, чтобы подбить танк, нужен героизм, но он нужен и для того, чтобы всю войну, изо дня в день, ползти, идти или бежать в рост на врага. Без страха или подавляя страх,

*Захаров Максим
Никифорович*

честно выполнять обычные в тех условиях приказы. Просто заметить этот второй героизм нам бывает сложнее, потому что он очень похож на обычную жизнь. “А морозы были лютые, - вспоминает Захаров про первую зиму войны. Затворы винтовок замерзали, так мы отогревали их под шинелью, как могли. Патронов не хватало, так мы у убитых брали”.

Как-то в бою трех немцев отправил на тот свет Захаров из своей винтовки, а вот четвертый немец его опередил... Разрывная пуля ударила в правое плечо, и его сшибло с ног. “Как стегун, хлестнула меня пуля, - рассказывал солдат. - Думал конец. А вот - выжил! Много наших тогда полегло. Кто-то должен был выжить..., посчастливилось мне”.

Военные дороги Захарова пролегли от Москвы до Берлина. Не сосчитать, сколько боев было во фронтовой биографии солдата. Но один он до конца своих дней вспоминал: “Батарейная наша заняла позицию на краю ржаного поля. Рыли окопы. А рожь стояла спелая, высокая, звонкая, с теплым налитым колосом. Срубали мы лопатами ту рожь, а у самих слезы на глазах... Эх, думалось, не с пушкой, с косою бы сюда... Жарило солнце... И посыпались немецкие снаряды. Потом пошли танки — по полю, по хлебу... Много танков. Впереди - большие, приземистые, неуклюжие, “Тиграми” они прозвались. Приблизились на расстояние выстрела. Батарейная молчала. Приказано было подпустить их на четверть километра и лишь тогда открыть огонь бронейными... Ждали, подпустили, насколько выдержки хватило: на триста, а может и на двести, а то и на сто метров. Били в упор, как бешеного зверя. Рядом падали друзья. Вот и наводчик у нас погиб. Я заменил. Прямой наводкой расстреливали танки. Они и попятились. На поле дымилась рожь, горели немецкие танки.

После боя приехал командир бригады. Подошел к нам, что живыми остались.

— Откуда родом, наводчик? – спросил меня.

— Из-за Урала, товарищ подполковник, из Курганской области. Молодая она, область-то наша, может и не слышали.

— Молодец! Храбро сражался! — и вручил медаль “За отвагу”.

Потом снова бои, бои... Горели танки. Горели хлеба. Горели города. Кто выжил, пошел дальше на запад. Кто выжил..., конечно”.

Сколько их было за войну, этих жестких, но необходимых команд - “переправиться”, “закрепиться”, “выдержать”! Переправлялись и стояли насмерть. Всю жизнь слышался Максиму Никифоровичу грозный голос командира: “ По танкам противника... Прямой наводкой... Бронейными... Огонь!..”

С годами все труднее и труднее было вспоминать про войну. Пока солдат воевал, не думалось — рядом она была, а про то, что рядом, мало думается. Потом, когда прошла, тоже некогда было, как надо, подумать, радовался: выжил, уцелел, вернулся. Осмотрелся — кругом разор, натворила война бед, работы всем по горло. С годами дороже былые победы, острее боль потерь.

Много лет отмахало, но стоило вспомнить Захарову про войну — и фронтовые побратимы оживали и будто рядом. Для того, чтобы вызвать в горах лавину, иной раз хватает одного комка снега. Чтобы оживить прошлое, тоже - требуется самая малость. Ударит гром средь бела дня — на пушку похоже. Зарницы сухим летом повоевавшему бойцу кажутся далеким отсветом военных пожаров. По осени, в

холода, сядет, бывало, солдат у костра, глядит в огонь, и вот уже нет покоя, видятся ему хаты в огне, что прошагал он, сжигая сердце свое в тревоге за вчерашних их обитателей: а люди где, живы ли после этих боев?

А тут еще ребяташки с расспросами:

— Дядя Максим, а страшно было на войне?

Отвечал он не сразу.

— Да, страшно. Не верю, что есть люди без страха. Только долг перед Родной, ребятки, выше него. Страх надо подавить, наступить сапогом ему на горло, главное не струсить, товарищей не подвести. Очень ведь на тебя надеются.

— Дядя Максим, покажи награды.

— Поглядите. Они у меня на одно лицо.

— А за что их вам дали?

— За то, что родную землю для вас сберег, врагу не отдал, что вот в школу вы ходите, смеетесь в радости, шалите...

— Орден Красной Звезды за что?

— За бои в Кенигсберге.

— А медали “За отвагу”?

— Вот эта — плацдарм под Москвой держал.

— А эта?

— Под Старой Руссой.

— А эта?

— Под Нарвой.

— А вот эта?

— Плацдарм у Берлина.

— Сколько же их у тебя было, плацдармов-то?

— Много, ребятки, много. И сейчас есть.

— Так война же давно окончилась.

— Другие, стало быть, мирные плацдармы. У человека всегда есть свой плацдарм и держать его надо крепко, чтобы новой войны не было.

— А у тебя были друзья на фронте?

— Были, ребятки, были. Коля, Сережа, Филарет Арефьевы, Иван, Абросим, Никон Захаровы, Камушев...

— А почему вы их без отчества?

— Не дожили они... до отчества. Мы тогда ведь молоденькими были, еще усов не брили...

На всю жизнь он сохранял святость к фронтовому братству. Захарова с самого Дня Победы не покидало чувство долга перед теми ребятами, которые остались лежать в братских могилах по земле нашей и в европейских странах. Если разобраться, рассуждал он, то герои как раз они, эти ребята, потому что отдали для победы самое дорогое и главное — свои жизни. Перед женщинами деревенскими, у которых мужики не пришли с фронта, Максим Никифорович себя виноватым чувствовал. “И вины моей вроде нет, что жив остался, а их мужиков побило, а все - таки... Они вот погибли, а я домой вернулся. Вернулись бы все...” **Орден Красной Звезды и пять медалей “За отвагу”. Уникальный случай! Высоко ценили эти медали фронтовики — потому что бойцы награждались ими за**

личное мужество и солдатскую отвагу в бою. Когда я позвонил в наградной отдел министерства обороны и спросил много ли солдат, удостоены пятью медалями “За отвагу”? “Нет больше таких солдат, - ответили мне, - это уникальный случай”. Правда, назвали мне несколько человек, награжденных четырьмя такими медалями. И снова среди них наш земляк Виктор Михайлович Чупров, живущий сейчас в Кургане. Вот как он вспоминает о солдатских своих делах:

Войну я встретил за баранкой грузовика в саперном батальоне, находившемся в Грузии. Кто из солдат-фронтовиков не знает, что такое саперная служба? В мирное время она сродни строительным войскам, а в войну - не приведи Господи. При отходе войск сапер замыкает отступление: то переправы ликвидирует, то мины вместе с минерами ставит или фугасы, при наступлении - он опять первым с противником соприкасается: разминировает проходы для войск, мосты строит, переправы наводит - и все под огнем противника. А с саперным батальоном и машиной своей пришлось расстаться совсем неожиданно. Обеспечивали мы десант в Керчь. Попали там под мощный обстрел и бомбежку. Машину разнесло в щепки, а сам я чудом уцелел.

*Чупров Виктор
Михайлович*

В десанте каждый боец на счету. Я, чуть оклемавшись от взрыва, был тут же назначен подносчиком 82-миллиметровых мин. Действовал, видимо, не только сноровисто и четко, но и, присмотревшись к действиям бойцов-минометчиков, освоил это дело. Мог действовать за любого из них. Вскоре я уже был назначен командиром отделения минометчиков.

Воевал в составе 677-го стрелкового полка, который за мужественные действия на фронте был поименован Гвардейским. За свои награды говорить как-то не совсем удобно. У нас, минометчиков, как и в артиллерии, в бою действуешь не один - расчетом. Расчетом чаще всего и представляли к наградам.

Первую медаль “За отвагу” я получил за действия в разведке, когда мы втроем под руководством лейтенанта ходили за передний край обороны. Напоролись на врага, пришлось ввязаться в бой. Лейтенант был ранен, но я не оставил его, а притащил на себе к своим под обстрелом гитлеровцев. Вторую медаль получил за отличие в боях на территории Украины. Боев горячих было несколько. Третьей медалью “За отвагу” я был отмечен за бои при разгроме Яссо-Кишиневской группировки немцев. Тяжелейшие там были бои. И наш минометный огонь здорово помог в наступлении советских войск. Дивизионное начальство приезжало и благодарило нас за огневую поддержку пехоты.

Четвертой медали был удостоен за удачный удар по гитлеровцам в бою под Братиславой.

Почему меня награждали именно этой медалью? - часто спрашивают меня. -

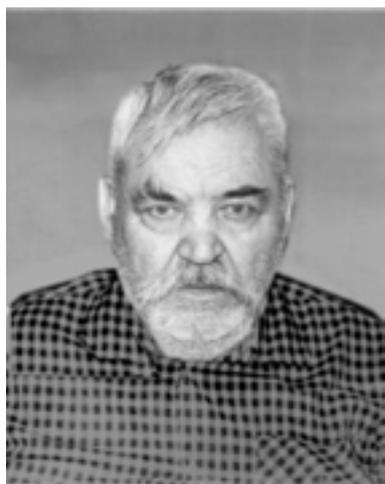
Я не знаю. Решали командиры. А среди солдат в годы войны медаль “За отвагу” была самая уважаемая и дорогая награда. Она ведь дается за личное участие в бою и за проявленную при этом смекалку, боевое мастерство и стойкость.

Но самой дорогой наградой для любого из нас, вернувшихся с полей войны, было то, что мы не только вернулись живыми с тех огненных полей, но и принесли на родную землю мир и тишину.

Я многие годы работал механизатором в колхозе “Дружба” Кетовского района. Знаю многих фронтовиков, кто с таким же упорством, как на войне, бился за высокие урожаи, выращивал скот, строил дома, воспитывал детей, жил нормальной человеческой жизнью. И это было и остается для нас высшим счастьем, смыслом Победы, добытой в тех смертельных боях.

Виктор Михайлович Чупров только намекнул в своих воспоминаниях об опаснейшей саперской службе, зато Михаил Иванович Романов, родом из деревни Большая Николаевка Шумихинского района, в таком подразделении прошел всю войну, награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, орденом Красной звезды, многими медалями. И о своей службе рассказывает: “Сапер все время находится на острие боевых действий. Отступают наши войска, он позади всех минирует здания, мосты, дороги, выстраивает минные поля перед рубежами нашей обороны. Перед броском-атакой своих частей, снимает свои же мины, “раскрывает” минные поля врага, обеспечивая проходы для танковых подразделений, пехоты, моторизованных рот, батальонов, полков.

Летом еще ничего: все-таки тепло, темнота, хотя постоянно “висят” осветительные ракеты противника. А зимой - холод собачий, а саперу случается лежать часами неподвижно. А потом, мину в перчатках-варежках не обнаружишь. Поэтому, иногда снегу сорок-пятьдесят сантиметров, а то и более, ты осторожно действуешь щупом, звякнул металл, варежки долой и голыми руками разрываешь слой снега и уж тут пальцы твои, как говорил мой взводный, должны стать пальцами музыканта, тонкими, чувствительными. Иначе пропал.

Романов Михаил Иванович

Или еще. Мы обеспечивали выход наших разведчиков в тылы гитлеровцев за “языком”. Разведчики - ребята, как на подбор, крепкие, подвижные, понимающие друг друга с полуслова - полувзгляда. Мы делаем проход и ждем их здесь же. А случись, если разведчики - поползут мимо прохода, - взрыв, саперы в ответе, хотя разведчики, может, просто не выдержали указанное направление. Уходят ребята - блеск, решительность, напор, возвращаются полумертвые от усталости, щеки ввалились, щетина, все в поту и грязи, только глаза по-прежнему дерзкие, шальные, тронь - сразу смерть тебе. И волокут ребята на себе еле живого, обмочившегося, а то и обкакавшегося ганса. И ты невольно думаешь - из-за какого-то засранца-фашиста на кон была поставлена жизнь десятка твоих

друзей, твоих земляков, тебя самого, потому что все мы на войне, неважно из Кургана ты или Магадана, были земляками - советскими солдатами!

Разведывать и обезвреживать минные поля на переднем крае, прокладывать дороги в заградительных сооружениях противника - дело трудное и рискованное. Малейшая оплошность может стоить жизни. Помню, как однажды мне вместе с автоматчиком из стрелкового подразделения, оборонявшего участок передовой, пришлось отправиться на разведку, чтобы добыть образцы немецких мин, установленных на линии неприятельской обороны. Одеты в белые маскхалаты (дело было зимой), под прикрытием ночной темноты мы незаметно подползли к минному полю, расположенному перед самым вражеским блиндажом, оборудованном в болотистой низине. Тщательно обследовали руками снежную поверхность и вот они, торчащие из-под земли проволочные усы -противопехотные прыгающие мины. Три усика. Соедини их ненароком друг с другом или просто задень - мина подпрыгнет и взорвется на высоте человеческого роста, разбросав вокруг себя двести пятьдесят смертоносных шариков. Стараясь не задеть усы, я аккуратно перерезал ножницами одну, потом другую проволочную оттяжки, которые шли от взрывателя к вбитым на расстоянии одного-двух метров, колышкам.

Мы было собрались уходить к своим окопам, но тут мне в голову пришла мысль прихватить с собой еще и кусок колючей проволоки из заградительных спиралей. В подобных образцах нуждались наши инженеры, которые определяли, насколько сталиста, а значит, тверда проволока, как она будет разрезаться ножницами, ведь, когда саперы проделывали проходы во вражеских заграждениях, быстрота их действий во многом зависела именно от твердости колючей проволоки.

Мы залегли в воронку от авиабомбы, накинули на проволоку захваченную с собой “кошку” и с силой ее потянули. Как и следовало ожидать, услышав шум, гитлеровец, дежуривший на посту, тут же хлестанул из автомата очередь. Трассирующие пули пронеслись прямо над самой головой. Однако воронка была достаточно глубока. Под аккомпанемент очередей дотянули проволоку. Вырезали небольшой ее кусок и, выждав, когда немцы успокоятся, благополучно вернулись на нашу передовую. Принесенные нами мина и проволока помогли разобраться нашей инженерной службе в системе минирования и при наступлении дали нашим войскам возможность быстрее обезвреживать минные поля. А это сберегло жизни многих солдат.

Больше всего запомнился случай, за который я получил первый свой боевой орден Красной Звезды. Он мне дорог, потому что первый. А это было так. Накануне наступления нашему саперному взводу поручили за ночь проделать проход в минных заграждениях, которые были установлены еще осенью 1943 года. Зима же покрыла землю сплошным толстым слоем снега. С чего начать? Трое из нас, распластавшись, локоть в локоть, голыми руками принялись обшаривать снег перед собой. Искали долго, а толку никакого. Мыслимое ли дело, найти маленькую мину, накрытую с начала осени слоем опавших листьев, а зимой - толстым снежным покровом. Наш помкомвзвода, старшина Коняев осторожно предложил расчищать проход с помощью длинных досок.

Но где же взять доски, да еще длинные? Вспомнили, что по пути на передовую видели пустой дом с обшитыми стенами. То, что нужно. Вернулись к дому. На счастье, нашлись там и лом, и топор. Оторвали несколько досок, но без шума не обошлось с вражеской стороны, не замедлил откликнуться длинными очередями пулемет. Орудя досками, стали осторожно сдвигать снег перед собой.

Половину работы только сделали, а руки уже от холода не гнутся, тогда меня вместе с автоматчиками послали охранять работающих товарищей. Я решил сесть поудобнее, вытянул онемевшие ноги и напоролся на мину. Взрывом контузило, обожгло левую сторону лица, мерзлой землей забило глаза. Автоматчики поздравили: “В рубашке родился!”

После того, как я пришел в себя, стал осторожно осматривать лежащую вокруг землю, под снегом нашел еще шесть мин и обезвредил их. Задание в ту ночь взвод выполнил своевременно. К рассвету проход был готов, и стрелковые подразделения пошли в атаку. Нас, саперов, за это разминирование всех наградили, кого медалями “За отвагу”, кого орденами. И я получил за это свой первый орден.

Однажды операция едва не стоила жизни моему боевому другу Николаю. При разминировании от его неловкого движения неожиданно раздался шелчок - сработал механизм вышибного заряда. Николай, не раздумывая, тут же упал на землю. Мина подпрыгнула и разорвалась над нами, далеко разбросав сотни металлических шариков и, к счастью, не задев того, кто лежал рядом. Объяснялись наши ошибки тем, что, постоянно имея дело со взрывоопасными предметами, мы привыкли к опасности и порой утрачивали чувство бдительности. И все же ошибки у нас, саперов, были редким явлением, о чем, кстати, свидетельствует, что я рассказываю вам о своем боевом пути. Ведь сапер ошибается один раз в жизни.

Дорогами войны я прошел от Сталинграда до Варшавы. Этот путь был долгим

и кровавым, но я помню почти все до малейших подробностей, много потерял друзей, но всем смертям назло остался жив и вернулся домой”.

Интересный рассказ для книги прислали из села Звериноголовское о Евгении Михайловиче Песцове его земляки. Он окончил в тридцатых годах здесь школу-семилетку, а затем медицинское училище и вернулся в родное село. Его воспоминания хранятся в школьном музее. Вот что рассказывает он о своей военной службе:

“В 1940 году, после окончания медицинского училища, я прибыл в Звериноголовский райздравотдел и занимался созданием и налаживанием работы медицинской лаборатории. В это же время был избран секретарем комсомольской организации райисполкома; в нее входили комсомольцы отделов райисполкома, госбанка, типографии и других учреждений. В 1941 году, до начала войны, Звериноголовский райвоенкомат направляет меня в Ленинградское военно-морское училище, где и застала меня война. Сразу же ушел на фронт и больше в Звериноголовское не возвращался: до 1963 года служил на кораблях Краснознаменного Черноморского Флота и Камчатской военной флотилии.

1941 год, август. Присвоено воинское звание “военфельдшер” и был назначен командиром санитарного взвода отдельного батальона. Первое боевое крещение, первый мой бой с фашистскими захватчиками был 12 ноября 1941 года под Москвой, в районе Дмитрова. С марша вступили в бой и с боями все время продвигались вперед. Для меня это продолжалось до 12 февраля 1942 года, когда я был тяжело ранен и контужен где-то в районе Ржева.

Наступательные бои шли в очень сложных условиях. Декабрь сорок первого, а особенно январь и февраль 1942 года были исключительно морозными: минус 25 градусов и ниже. Глубокий снег, снежные заносы, бураны, метели. Все это создавало трудности в продвижении и снабжении как боезапасами, так и продовольствием. Немцы превращали населенные пункты в труднодоступные оборонительные рубежи. Гитлеровцы в то время еще верили в победу и были самоуверенны. Вспоминаю случай, когда мы окружили одну из укрепленных огневых точек врага и предложили им сдаваться и выходить, то последовал ответ : “Нет, рус, нет!” Наступательный порыв наших войск был очень велик. Все были под впечатлением парада войск Красной Армии 7 ноября на Красной площади и речи Председателя Государственного Комитета Обороны Иосифа Виссарионовича Сталина, в которой он говорил, обращаясь к бойцам и командирам: “На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков... Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная,

*Песцов Евгений
Михайлович*

война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!”

Вот в такой обстановке боевого подъема мы шли вперед. Немцы уже долго не задерживались на оборонительных рубежах, а убегая, сжигали дотла села и деревни. Иногда много дней приходилось оставаться на морозе, в снегу. Наше боевое настроение того времени будет более понятным, если напомнить, что наступательные бои мы вели при весьма неблагоприятном для нас соотношении сил в артиллерии, минометах, танках и самолетах. Самолеты врага пикировали и обстреливали не только одну отдельную машину или повозку, но и одного человека. Это я испытал на себе. Или воздушный бой, который мне довелось наблюдать, семь наших истребителей с 28 немецкими самолетами. Но с каждым днем, продвигаясь с боями от Москвы на запад к Ржеву, мы все больше и больше уничтожали гитлеровцев. Они уже не успевали сжигать села, деревни, а в панике, особенно после залпов “Катюш”, бросали оружие, танки, автомашины с награбленным имуществом. Атака за атакой. Вперед! За Родину! За Сталина! За партию! Вот в такой обстановке неукротимого наступательного порыва мы прошли от Москвы 250 километров. Дивизия, в составе которой воевал наш отдельный батальон, получила тогда почетное звание - 22-й гвардейской дивизии.

Я был на лечении в Иркутском госпитале. В один из майских дней товарищи по палате поздравили меня и вручили мне газету с опубликованным в ней Указом Президиума Верховного Совета СССР о награждении меня орденом Ленина. Орден Ленина №10352 был мне вручен в октябре месяце 1942 года в городе Горьком.

Меня иногда спрашивают, за что я награжден орденом Ленина? Мне трудно ответить, потому что не было какого-то “одноразового” подвига. Были будни войны, и мы делали свое дело. Для примера приведу два эпизода.

Батальон развивал наступление. Фашисты вели ожесточенный пулеметный и минометный огонь. Контратакуя, врагу на какое-то время удалось окружить фланги батальона. На поле осталось около тридцати раненых наших бойцов. Их требовалось немедленно вынести из-под огня и оказать помощь. Задача усложнялась тем, что начинался день, морозный январский день. И вот, под непрерывным огнем, мы с санинструктором Ожеговым, родом он был из Свердловска, вынесли всех до одного раненых с их оружием. Все эти бойцы были спасены. В последний момент, у самых наших позиций Ожегов был убит.

Еще один эпизод. Батальон вел наступление, преодолевая сильно укрепленные вражеские позиции, я был вызван к командиру батальона Бойцову, на КП которого находился сержант-разведчик, вернувшийся из вражеского тыла. Он сообщил, что после выполнения важного задания в тылу немцев, они с подполковником Мухиным возвращались, но в 6 километров за линией фронта оба были ранены. Офицер получил тяжелое ранение и нуждается в оказании медицинской помощи. Разведчик по карте указал место, где он спрятал раненого Мухина. Мне было приказано спасти жизнь офицера-разведчика, получившего ценные сведения о противнике. Взяв с собой санитаря, я отправился в тыл врага. Все эти 6 километров нам пришлось ползти, укрылись в снегу. Состояние раненого было очень тяжелым: открытый перелом бедра. Нужно было не только оказать медицинскую помощь, но сохра-

нить раненого от обморожения. Обратный путь был еще более тяжелым. Сильный мороз, глубокий снег, артобстрел почти на всем пути. Впереди, сзади, по сторонам рвались снаряды, мины. На полпути ранило санитаря. Метр за метром добрались до своих. Здесь я передал раненого в руки хирургов, прибывших за ним на аэросанях. Приказ был выполнен.

После излечения в госпитале, был направлен в Первую Горьковскую стрелковую гвардейскую бригаду, готовившую пополнение для гвардейских частей. Но оттуда вместо фронта был направлен на учебу в Военно-морскую Академию. В 1943-1944 году я успешно окончил первый курс Академии, но контузия дала о себе знать, и я вынужден был оставить учебу.

Имея ограничение годности к службе, мне удалось добиться назначения в ведущий боевые действия Черноморский Флот. В звании гвардии старшего лейтенанта медицинской службы с сентября 1944 года начал службу на кораблях Черноморского Флота. Служил на плавбазах “Памир”, “Батур”, эскадренных миноносцах “Лютый” и “Боевой”, крейсерах “Куйбышев” и “Адмирал Нахимов”. В 1949 году был избран секретарем партбюро крейсера “Адмирал Нахимов”. Затем был переаттестован с капитана медицинской службы на морское корабельное звание - “капитан-лейтенант” и направлен на учебу в Киевское военно-морское училище. Чуть больше года напряженной учебы. За это время я освоил программу училища и весьма успешно сдал экстерном экзамен за полный курс училища. Прибавив к аттестату зрелости (окончил вечернюю среднюю школу при Севастопольском Доме офицеров флота) и к диплому о среднем медицинском образовании еще диплом о среднем политическом образовании”.

В 1995 году в области по инициативе военного комиссариата к 50-летию Победы было решено в ряде сел в честь героических воинов на их родине открыть колодцы памяти. Жители поселка Кособродск Каргапольского района решили увековечить жизненный подвиг земляка Василия Захаровича Соловьева. Его в Кособродске знали и стар и мал. Многие годы он скромно и честно работал на автозаправке. Когда развернулось движение за коммунистическое отношение к труду, Василию Захаровичу одному из первых в поселке присвоили звание ударника коммунистического труда, потом звание почетного гражданина поселка. Но больше всего кособродцы гордились тем, что дядя Вася единственный на весь район полный кавалер ордена солдатской Славы.

В армию Василия Захаровича призвали в августе 1941 года. Воевал он на Калининском фронте, на Курской дуге, освобождал Украину и Польшу. Дважды был тяжело ранен. Награжден тремя орденами Славы, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”.

*Соловьев Василий
Захарович*

Нелегко труд санитарного инструктора танковой части. А стал им радист-пулеметчик 45-й гвардейской танковой бригады Василий Захарович Соловьев во время сражения на Курской дуге. В батальоне, в котором он воевал, после тяжелого боя не осталось ни одного медицинского работника. Вот тогда Василий Захарович оказал первую санитарную помощь нескольким раненым товарищам, а затем добровольно перешел в санитары. От Курской дуги шел отважный солдат, спасая раненых, возвращая в строй бойцов.

Жестокий бой разгорелся за селение Живачув. Не зная усталости, рискуя жизнью, под огнем противника оказывал он первую медицинскую помощь раненым. С 19 по 23 апреля 1944 года Василий Захарович спас жизнь трем раненым офицерам, вынес с поля боя вместе с вооружением 18 рядовых бойцов.

Тогда кровопролитные бои шли за освобождение Правобережной Украины. Разгорелся бой с гитлеровцами в местечке Игжиска. Василий Захарович в тот день вынес из огня 11 раненых пехотинцев, четырех танкистов, оказал первую медицинскую помощь 18 бойцам. А 1 мая Соловьев, рискуя жизнью, бросился к горящему танку и, несмотря на то, что машина могла вот-вот взорваться, вытащил из пылающего танка офицера и двух сержантов.

А вот что свидетельствует выписка из боевой реляции: “Соловьев Василий Захарович, находясь в боях с немецко-фашистскими захватчиками в качестве санинструктора, проявил смелость и отвагу. За период боев с 16 июля по 18 августа 1944 года Соловьев Василий Захарович оказал медицинскую помощь 39 бойцам. В районе Сокаль на подступах к реке Западный Буг оказал медпомощь двум офицерам, трем сержантам и эвакуировал их в тыл. На подступах к деревне Острув, в районе реки Сан, Соловьев Василий Захарович оказал медицинскую помощь и вынес с поля боя 6 офицеров и 19 бойцов. В районе реки Вислы и города Климонтув вынес с поля боя четырех офицеров и 10 сержантов. Несмотря на артиллерийский и минометный огонь, всегда находился в боевых порядках танков и вовремя оказывал медицинскую помощь раненым”.

Василию Захаровичу приходилось ходить и с разведчиками в тыл врага, участвовать в засадах и не всегда только действовать йодом и бинтами. Не ржавел и автомат отважного бойца.

Освобождая Польшу, наши войска приближались к границам Германии.

В конце января 1945 года командиру батальона потребовалось разведать передний край противника. В разведку был послан взвод танков с 20 бойцами прикрытия. С неизменной санитарной сумкой и автоматом пристроился на броне одного из танков и Василий Захарович. Событие происходило в ночь на 26 января в районе города Альт.

На высокой скорости три танка с бойцами ворвались в небольшую деревушку. На окраине горело несколько домов, подожженных отступавшими гитлеровцами. Дальше продвигались осторожно. Впереди пошел один из танков. Но только он вышел на шоссе за деревню, как по нему ударили из фаустпатрона.

Вскоре в деревню к остановившимся танкистам с трудом добрался водитель подбитого танка, обгорелый и контуженный. Из несвязного рассказа бойцы поняли, что в подбитом танке остался раненый командир.

Несколько бойцов и Василий Захарович Соловьев бросились на помощь. Но к

танку подойти оказалось невозможно из-за сильного огня фашистов. Танкисты остановились на окраине деревни. Бойцы советовались, что предпринять дальше.

— Вы меня огоньком прикройте, а я попытаюсь пробраться, — предложил Василий Захарович.

Танки и залегшие бойцы прикрытия завязали с гитлеровцами перестрелку, а Соловьев пополз выручать товарища. Была опасность наткнуться на мину, но Василий Захарович надеялся на свой опыт. До темневшего на шоссе танка он добрался благополучно. Через десантный люк вытащил командира Глазырина, который был в бессознательном состоянии, и медленно пополз в обратный путь. Но гитлеровцы или услышали возню около танка, или, может быть, в бреду застонал Глазырин, но только в небо полетели десятки ракет. Стало светло, как днем. По шоссе ударили трассирующие очереди. Василий Захарович почувствовал сильный удар в плечо. На миг перестал ползти, сунул руку под шинель — мокро. И снова пополз, понимая, что ему нужно как можно скорее добраться до своих, пока еще есть силы. Он полз, теряя порой сознание, но Глазырина не бросал. Истекая кровью, он добрался до бойцов со своей ношей — спасенным танкистом и окончательно потерял сознание. Очнулся уже в медсанбате.

В селе Целинном многие знали фронтовика, инвалида войны Федора Ивановича Кириллова, скромного бухгалтера районо. Но мало кто знал его героическую фронтовую судьбу, судьбу десантника отряда особого назначения Ставки Верховного Главнокомандования. А знать ее надо. Вот его воспоминания только о некоторых эпизодах из фронтовой жизни: “Поезд отстукивал километры. И чем меньше их оставалось до города Киржач, где должны были собраться на праздник дня Победы ветераны-десантники, тем больше и больше сомневался в себе, раздумывал: “Куда это тебя, Федя, понесло? Будешь со своим протезом помехой для людей. До работы добираться с трудом, а туда же норовишь, где здоровые соберутся”.

Думки такие скребли душу не впервой. А теперь снова сомнения: “Встречу ли кого из однополчан. Немногие, наверное, вернулись домой с войны”.

Вспомнил, как в сентябре 1943 года нашу 5-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду забросили к немцам в тыл. Тогда началась операция по форсированию Днепра.

В небе, словно растревоженный улей гудел, было тесно от самолетов. Двенадцать тысяч бойцов-десантников свалились с ночных небес на головы гитлеровцев. Понаделали паники у врага, диверсионными группами оседлали дороги. Но и самим тяжело пришлось. Не все приземлились там, где намечалось. Кое-кому и в Днепре “купаться” довелось. Грохотали земля и небо. То там, то тут расчеркивали темноту разноцветные ракеты, сзывая

*Кириллов
Федор Иванович*

нас к местам сосредоточения.

Это была моя первая десантная операция. Бегу на зов двух зеленых ракет. В руках ПТР, за плечами как гиря, рюкзак с патронами. Товарищ по взводу, испытывавший на себе лихо немецкого окружения, перед вылетом советовал:

- Не зарься, Федор, на провиант. Главное, боеприпасов побольше бери. Каждый патрон - это надежда выжить.

Именно - надежда! Две недели группа, к которой я примкнул, сковывала движение немцев на дороге Канев - Киев. Бои были жестокими. Насмерть. Из всего десанта только каждый восьмой вернулся...

Доехал до Киржача около полуночи. Никто не встретил. Снова принялся ругать себя: "Утром праздник начнется, а ты только тащишься! Так тебе и надо. Не опаздывай!"

До гостиницы добрался, когда уже за последними подгулявшими десантниками швейцар закрыл двери ресторана.

Утром бывшие фронтовики пошли на парад, а мне не до строя: с тростью тихонько бреду по тротуару на площадь, всматриваюсь в лица проходящих шеренгами ветеранов. Знакомых не увидел. На площади тьма людей, звучат волнующие речи. Но не ради же их приехал сюда. Снова в сердце начало закипать недовольство собой и чем-то еще. Ну, хоть бы одного товарища Бог послал.

Торжества закончились. Предложили сесть в автобусы и поехать к месту гибели Юрия Гагарина. Пристроился в автобусе у окна и пристально смотрю, как рассаживаются люди, И снова знакомых не увидел.

У памятного обелиска в разных местах формировались группки. Щелкали фотоаппараты. А я стоял на отшибе, смотрел. И вдруг до боли знакомый еврейский говорок залетел в уши. Меня словно током ударило. Аж, мурашки по спине. Неподалеку высокий, рыжеватый мужчина просил соседа подержать саквояж, а сам прицеливался и щелкал фотоаппаратом.

"Да это же Левка Морельбаум! Неужели живой?!" - рванулся было к расторопному фотографу, а нога не слушалась. Нервы сдали. Рубашка взмокла от напряжения. А мужчина, закончив снимать, закинул саквояж на плечо и зашагал в мою сторону. Когда поравнялся, положил руку поплотней на его плечо и сказал:

- Сфотографируй меня на память, Левка.

Тот повернул голову, посмотрел и недовольно бросил:

- Я - тебе не Левка.

- А кто же еще?

Теперь я уже не сомневался. Это был не только однополчанин, а сосед по койке, человек, с которым мы побывали не в одном бою.

Мужчина повел плечом. Но моя рука лежала крепко, по-мужски.

И вдруг у Лёвки зрачки расширились, фотоаппарат чуть не выпал из рук.

- Федька!? Неужели это ты?! Живой! Федька! Браток!

Он схватил меня, приподнял и бешено закружил вокруг себя.

- Осторожней, дьявол! Протез к чертям улетит!

- Нет, я теперь тебя не отпущу, Федор! Едем со мной в Киев. Таких дорогих гостей мой дом еще не видел. Сколько раз я рассказывал родным, как ты погиб, а теперь живехонького привезу! Я тогда долго тебя искал. Вышел к своим один...

- А было это весной 1944 года. Наши части прижали немцев на Буге. Здесь у гитлеровцев скопилась масса техники и войск. Надо было не дать отступающим фашистам перебросить все это на правый берег. Немцы навели мощную переправу. Основой ей стали затопленные баржи, на которые фашисты уложили многослойный настил. Переправа работала круглосуточно. Попытки разбомбить ее с воздуха не дали успеха. Уж очень мощными были береговая оборона немцев и прикрытие с воздуха.

Тогда командованием было принято решение: для уничтожения переправы гитлеровцев бросить десантный дивизион особого назначения резерва Ставки Верховного Главнокомандования, где мы с Лёвкой Морельбаумом служили и прошли особую подготовку. Нам и предстояло в специальной экипировке пройти под водой полтора километра, заложить взрывчатку под переправу, а с кабелем для взрыва вернуться к месту высадки.

Ночью с разных точек одновременно на задание ушли несколько групп. В паре со мной, с казаком из Усть-Уйки, шел еврей киевлянин Лева Морельбаум. Несколько часов мы брели под водой. Заряды установили рядом. А на обратном пути я потерял друга, весельчака и заводилу Левку Мерельбаума, знавшего массу еврейских анекдотов, хохмача и любимца всего дивизиона десантников. Прождал его на берегу до рассвета. Левка не появился.

Утром переправа фашистов взлетела на воздух. Надо было немедленно уходить. Из 85 десантников, участвовавших в операции, вышли к своим вместе со мной только шесть. Мы попали в 237-й полк 5-й Ператинской стрелковой дивизии. И когда попросили отправить нас в свой десантный дивизион, комполка готов был встать на колени, чтобы мы остались. Из его полка едва ли можно было сколотить полнокровный батальон, а немцы отчаянно контратаковали. Здесь-то я и получил тяжелое ранение и остался на всю жизнь без ноги.

А у Лёвки, после встречи в городе Кержаче, я тогда погостил. Ко мне в его доме относились, как к родному: не знали куда посадить, чем угостить, перезнакомились со всей родней”

В Белозерском районе широкой известностью и уважением пользуется Леонид Иванович Шуравин. Он работал здесь председателем колхоза, секретарем райкома партии, а теперь один из активистов организации ветеранов войны. О его мужестве и находчивости написал в нашу областную газету его однополчанин Виктор Рязанов из города Терек. Уверен, рассказ боевого товарища, да еще по службе в полковой разведке, куда люди идут только по желанию, товарищам верят, как себе, надо знать и нам, землякам Леонида Ивановича.

“В конце войны бои были очень тяжелые. Вот передо мной два документа – приказы Верховного Главнокомандующего с благодарностями нашей 120-й стрелковой Гатчинской Краснознаменной дивизии (командир Иван Павлович Говоров, генерал-майор) по случаю овладения городами Оппельн на Одере и Нейсе на реке Нейсе. Первый датирован 24-м января 1945 года, второй – 24-м марта. Ровно два месяца. Измеряю по карте расстояние между ними – всего 50 километров! В это вдуматься надо: за два месяца – 50 километров. А ведь мы измеряли версты не по карте, а, как говорится в песне, “по-пластунски пропахали”, смешивая свою

*Шуравин
Леонид Иванович*

кровь со снегом и грязью, а самое печальное – теряя и теряя товарищей.

Недавно у меня гостил однополчанин Николай Светлугин из города Сокол Вологодской области. За четверо суток перебрали мы с ним все эти километры и метры, вспомнили всех друзей, мертвых и живых, и чаще всего звучало имя Лешки-сибиряка, Леонида Ивановича Шуравина из села Белозерского. О нем можно написать целую книгу.

...Мы, разведчики 289-го стрелкового Нарвского ордена Александра Невского полка, валились с ног. Наконец, на каком-то тихо горящем фольварке отвоевали крохотный уголок, чтобы хоть немного покемарить, но тут же послышалось:

- Где разведчики? Шуравина к Усачу (так в полку за глаза звали начальника штаба подполковника Семена Ефимовича Павловского).

Вернувшись, он махнул рукой:

- Опять Алярник...

Тут требуется некоторое пояснение. Наша 120-я была сформирована к концу Ленинградского сражения из двух отдельных бригад 11-й стрелковой и 142-й морской, и в отворотах гимнастерок нет – нет, да и выглядывала “морская зебра”, а в атаках мелькали бескозырки.

Алярник был одним из “морских волков”. Носил он майорские звездочки, командовал батальоном, отличался отвагой, но все это не прибавляло ему знаний (до войны он был корабельным кочегаром), он очень “приблизительно” разбирался в картах и схемах и нередко заводил батальон не туда, куда предписано.

Это было чревато паршивыми последствиями. И нам, разведчикам, не раз приходилось разыскивать злополучный 2-й батальон.

В те дни, о которых рассказ, всякое “плутание” было особенно опасно, потому что фронт еще не стабилизировался, представляя из себя “слоеный пирог”, когда не сразу понимаешь, где “передок”, кто кого окружил, а населенные пункты переходили от одних к другим в какие-то короткие часы.

Пошли мы вчетвером. Батальон Алярника отыскали довольно быстро, уточнили его координаты и сразу тронулись обратно.

Шли, как положено, попарно, соблюдая какую-то дистанцию, что было почти невозможно в такой невероятной темноте мартовской ночи. Бдительность, конечно, была основательно понижена – ведь этой дорогой мы свободно прошли какой-то час назад, а может, и меньше. К тому же на взгорье горел фольварк, к которому мы шли, на виду, а там были наши.

Детально разбирая этот эпизод через полвека, мы со Светлугиным пришли к выводу, что от верной гибели нас спасло два обстоятельства. Во-первых, въевшаяся привычка в любых обстоятельствах ходить рассредоточенно, во-вторых, позитивная ориентация, находчивость и выдержка Шуравина.

Шли так: в первой паре – Шуравин и Витя Белоруков, во второй – Коля Зорькин и Леша Воронцов, в замыкающей – я и Светлугин.

Движение большой колонны мы почувствовали издалека (именно почувствовали – это слово наиболее точно отражает восприятие большой массы людей). Какова была ее численность, ни тогда, ни сегодня определить невозможно, может, 100 человек, а может, и вся тысяча.

Издали Шуравин крикнул:

- Кто идет?

В ответ послышалось на чисто русском языке:

- “Свои!” – и был припечатан довольно замысловатый набор непечатных выражений, что вообще снимало какое-либо подозрение.

Когда же первая пара уже втянулась в колонну, то как-то подсознательно поразила необычная для наших солдат тишина. Зорькин зажег фонарик, и его луч вырвал из черноты ночи жуткую картину – вокруг были немцы.

Ночь мгновенно взорвалась стрекотом автоматов, грохотом гранатных взрывов, гортанными командами немецких офицеров. Слышался голос и Шуравина:

- По кюветам! Прыгай! - И для краткости добавил еще кое-что.

Столь неделикатное обращение имело большой смысл. Мартовская погода залила кюветы ледяной талой водой и грязью, и элементарный инстинкт противился лезть в это месиво даже при смертельной угрозе, но когда “такой” приказ... Помните, я плюхнулся в кювет, и все незащищенные части тела как кипятком обожгло, а потом его струи полезли за шиворот и в другие места, куда можно было проникнуть.

У немцев паника, крики. Я не сразу понял причину, но при очередном гранатном сполохе увидел, что Шуравин продолжает стоять на дороге, левой рукой держит за грудки убитого фашиста и, прикрываясь им, ведет самый страшный огонь – кинжальный, в упор, без промаха. Это и обеспечило перелом в скоротечной схватке. Среди других криков послышалось: - “Цурюк! Цурюк! Шнеллер цурюк!” (Назад! Назад! Скорее назад!) – и огонь стал ослабевать, а вскорости и вовсе затих. Немцы бежали, растворились в ночи...

Когда все стихло, Шуравин приказал:

- Отозваться!

- Белоруков – простреленные обе ноги, идти не могу...

- Воронцов – в норме...

- Рязанов – в норме...

- Зорькин?!

В ответ послышался едва слышный стон...

- Я беру Белорукова, Рязанов со Светлугиным Зорькина, Воронцов – в прикрытие. Бегом на фольварк!

Вскоре мы вернулись на место схватки с солдатами из полковой роты. Все было тихо и спокойно. На дороге и возле нее лежало 12 трупов, среди которых был и человек в форме польского железнодорожника (видимо, его и вели с собой фашисты для того, чтобы отвечать по-русски в случае встречи с советскими войсками), раненых не было, их унесли.

Так мы отбросили назад в “котел” группу фашистов и тем предотвратили воз-

возможные “неприятности” (они же могли выйти неожиданно на любой штаб или подразделение и, кто знает, каких натворили бы бед).

Но дело омрачалось горечью наших потерь. Правда, Витя Белоруков большого опасения не вызывал, и Леша Шуравин уже после войны встретил его на ногах, хоть и с палочкой, в запасном полку, готовился к демобилизации.

А вот Коля, общий любимец, гитарист и певец, ленинградец... когда он посветил фонариком, ему на свет выстрелили в упор в живот, пули еще не набрали скорость и там застряли. Медики сказали, что надежды почти нет. Все же мы спустя много лет ищем, а вдруг?

Расскажу еще об одном поиске, когда находчивость и необыкновенная выдержка Лешки-сибиряка спасли всю нашу группу от верной гибели.

Мы стояли в обороне в Силезии, близ Шварцгрунда, между Одером и Нейсе, где фашисты тяжелыми боями задержали нас на одном из промежуточных рубежей. До Берлина оставалось, как говорят, совсем ничего, и все понимали, что остановка недолгая, скоро опять вперед, а для нас, разведчиков, это непереносимый “язык” – надо знать перед наступлением, на что и на кого идешь.

Старшим был Шуравин. Переход “передка” как всегда он подготовил и провел так искусно, что, выражаясь словами Лешки Ракитянца: “ни один собак не гавкнув”. Быстро ушли мы на несколько километров в глубь обороны противника, подальше от “густонаселенного” переднего края. А вот дальше не повезло. Фрицев немало, но в таком количестве или при таких обстоятельствах, что “брать” было нельзя. Это только на “передке” можно, как говорят разведчики, действовать “нахапок”, поднять шум, стрельбу и при помощи огонька из своих окопов отойти со схваченным ротозеем. В тылу такой способ равносителен самоубийству, здесь нужно действовать только так, чтобы “ни один собак не гавкнув”.

Поиск был рассчитан на одну ночь, но она подходила к концу, а дело сделано не было. Уходить было глупо, и мы единодушно решили остаться. Ночь начинала редеть. А куда деваться? “Рысиные” глаза Невметуллы Умярова каким-то чудом разглядели сквозь утренний полумрак и сетку густого тумана лесок. Туда! С огромным трудом, вытягивая сапоги из земли вспаханного с осени поля, мы потянули к лесу. Но не прошли сотни метров, как впереди на дороге послышался звук, характерный для большой группы шагающих строем людей.

Все!? Быстро светало. Не уйти никуда. Последний бой. Смертный... Это было ясно каждому. Что ж, продадим жизнь как можно дороже, разведчики это умеют – солдаты особой выучки, добровольцы (это были единственные в армии подразделения, куда зачислялись только на добровольных началах).

И вдруг мы услышали глухой, но твердый голос Шуравина.

-Не паниковать! К кагатам! Зарываться!

Потрясающая наблюдательность и четкая ориентировка... Все мы потом признавались, что не обратили внимания на два, сложенных с немецкой аккуратностью навозных кагата, какие бауэры заготавливают, чтобы по весне разбросать их по полю. Они были огромными, примерно метров десять в длину и три – в высоту. Мы мгновенно зарылись в них, просматривая “мир” лишь через узенькие просветы.

Рассчитывали, что все это ненадолго, думали, что какое-то подразделение дви-

жется к фронту. Но “плен” оказался страшным. Солдаты, несшие с собой не только винтовки и автоматы, но и лопаты, неподалеку от нашего “убежища” принялись под руководством нескольких офицеров за рытье окопов. Это исключало не только наш выход, но и шевеление, тем более что немцы то и дело подбегали к кагатам по своим нуждам. Смертельный бой мог вспыхнуть в любую минуту. К тому же хоть и была весна, но кое-где еще лежал снег и моросил, почти непрерывно, холодный дождь.

И все же в тот день родились мы, как потом говорили доморощенные полковые острословы, под “счастливой навозной кучей”. “Отлежались” до темноты, дождалась ухода немцев, вылезли на “волю”, кое-как размялись. И сразу же две удачи. Тот же Невметтулла слышал шелест велосипедных шин по шоссе. Немец катил на велосипеде. Один! Взяли “шутя”. Оказался “цивильный” (гражданский) парень. Пригодится... Двинулись вдоль дороги к “передку”. Второго ездуну все услышали: тархтит по бульжнику телега. С этим пришлось повозиться – здоровый ефрейтор.

Домой чуть не бежали. И часа через два были уже на месте, встреченные обеспокоенными однополчанами – вовремя-то не явились. Умиротворенные, гордые, хоть и запачканные с ног до головы навозной массой, мы хрипели: “Лешка... Шуравин... Без него капут бы”.

Добавлю. Ефрейтор оказался очень “длинным языком”: он развозил по батареям различные грузы и хорошо знал их расположение. Пожалуй, не менее ценными оказались и сведения “велосипедиста”: у них в доме стоял штаб, и он многое слышал...

А в конце признаюсь. Я давно хотел хоть что-нибудь рассказать белозерцам о фронтовых делах их земляка Леонида Ивановича Шуравина, но... противился он: неудобно, дескать, о секретаре райкома... Теперь он давно уже находится на заслуженном отдыхе, и я считаю вправе поведать, какой отважный фронтовик возглавляет Белозерскую организацию ветеранов.

Вспомним про жаркое лето 1941-го года. Оно заслужило, чтоб помнить и помнить о нем... Есть такие строки в сборнике стихов поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны:

*...Простор голубой,
Да ветер степной,
Да ветер степной
Над тобой, надо мной.
И дьявольски хочется не умирать...*

Если б Афанасий Иванович Иванов был поэтом, может, он вспоминал бы позже про то горько-сухое, нестерпимо знойное то лето подобными словами. Но он был только десантником, бойцом, что надо, родившимся в селе Ялым Притобольного района.

Критическое положение на юге в лето - осень 4-го года, когда отрезанная от главных сил Южного фронта Отдельная Приморская армия стойчески удержива-

*Иванов Афанасий
Иванович*

ла за собой до последней возможности Одесский плацдарм, 255 дней обороны осажденного Севастополя — трудные, героические страницы войны и нашего флота. Что такое в этих сложных условиях были десантные операции? Это, когда, выбросившись с неба на парашютах или приблизившись к вражескому берегу на катерах- “охотниках” или подлодках, а затем по грудь в воде, с ходу вступаешь в бой. Успех его решают момент внезапности и беспримерная храбрость людей.

Так вот, Афанасий Иванов в то лето, до первого своего серьезного ранения, участвовал не в одном воздушном и морском десанте и рейдах по тылам врага. Затем, после почти двухмесячного пребывания в госпитале, был участником знаменитой Керченско-Феодосийской десантной операции — первого “рождественского” десанта в Крым. За-

тем — разведчик Азовской военной флотилии.

Кто хорошо знает историю Великой Отечественной войны, знает и то, какие великие по отваге и мужеству советского солдата военные операции связаны с Керченским полуостровом, и “огненной землей” Новороссийска, и кавказскими горными перевалами. Недаром Афанасий Иванов награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны двух степеней, медалями “За отвагу”, за освобождение городов Одессы, Севастополя...

Бытует представление, что десантники и разведчики, наравне с летчиками и танкистами, олицетворяли собой романтику военного подвига. С одной стороны, это так. А с другой... Воевавшие в разведке и десантных войсках и сейчас скажут, какой неимоверной физической выносливостью, потом и кровью обходился этот подвиг, не говоря уже о безудержной храбрости и мужестве.

Афанасий Федорович Иванов не охоч был распространяться о том, что довелось ему выдержать на фронтовом пути. Характерно для него не о героике рассказывать, а о самых приземленных, почти бытовых каких-то эпизодах.

Приведу всего один его рассказ:

“Был, например, такой случай в разведке. Мы со старшиной идем “гуськом” впереди, а Володька Дерягин и еще один наш товарищ чуть в стороне и отстали от нас. Увидели немцев и залегли в конопле. Мы бежим, а фрицы заметили и за нами. А наши ребята их окликают: “Камрад!”. Они оглядываются, а наши — хлесть! — нет “камрада” Последний обернулся — глядь: советские бойцы! Он аж со страху присел и автомат бросил.

Зашли мы со старшиной в деревню. Луна! Хорошая такая луна! А навстречу — фрицы: “Рус, сдавайся!”. Уверен, что руки подыдем, а я прямо туда, в кучу, — гранату. И как это получилось, что не в голову мне осколок от нее, а вот сюда, в руку вошел, а здесь вышел. Зажал рану, обмотал куском гимнастерки, прижался к плетню. Голова кружится, подташнивает, а перед глаза-

ми лицо девчонки. “С чего бы это” - думаю. Понял что не брежу, услышал ее шепот: “Дяденька, возьмите меня на войну”. Куда спрашиваю, мы тебя возьмем? Сами не знаем, как выбираться будем. А девчина одно твердит: “Возьмите да возьмите”. Вот сейчас бы в том украинском селе побывать, только ни фамилии, ни имени спросить не успели, да и село как называлось, не помню.»

Майское солнце миллионами искр серебрит Дунай. Жители Измаила и приехавшие гости города — ветераны Дунайской флотилии — вышли на набережную, к причалам морского вокзала, чтобы встретить построенный в Австрии для нашей страны теплоход “Венедикт Андреев”. Он приходит в советское Дунайское пароходство и вливается в семью судов, носящих имена Героев -дунайцев. Красавец-теплоход спокойно и горделиво, словно белый лебедь, идет к причалу. Вот уже и швартовой наброшен на пал. Гремит медь оркестра... Да так было! Но начну с грозных военных дней.

В августе 1944 года военная судьба забросила паренька со станции Лебяжья-Сибирская Венедикта Марковича Андреева и его друзей разведчиков штаба Черноморского флота, на Дунайский лиман. Об их дерзких подвигах к тому времени ходили уже легенды. И были на то причины.

Еще летом 1942 года моряки из особого отряда разведки “Сокол” Новороссийской военно-морской базы наводили страх на фашистов. Они, как призраки, появлялись в тылу у немцев, взрывали склады с горючим и боеприпасами, похищали штабные документы, выводили из строя связь, захватывали и уводили с собой “языков”. Только семь раз пробирались ночами разведчики на Мысхако, прежде чем высадились туда вместе с десантом морских пехотинцев Цезаря Куникова. Уходили в район “Соленых озер”, где обнаружили и уничтожили сверхдальнобойные пушки немцев. Прыгнув с парашютами в район Ялты, они под самым носом у фашистов несколько месяцев добывали важнейшие сведения о действиях и планах немецкого флота.

Теперь отряд разведки старшего лейтенанта Виктора Калганова был придан возрожденной Дунайской флотилии. Его называли здесь “Отряд Бороды”, потому что командир разведчиков носил роскошную черную бороду и не собирался ее сбривать до полного разгрома гитлеровцев.

На свою первую операцию разведчики пошли пешими с местным рыбаком, быстро затерявшись в высоких камышовых плавнях. А через двое суток вернулись на катере, захваченном у противника, да еще доставили в штаб румынского офицера и двух матросов. Катерок этот за юркость, послушность в управлении и вездеходимость матросы окрестили “Жучкой”. Он стал их плавучим домом и служил верой и правдой до конца войны.

*Андреев
Венедикт Маркович*

Часто уводил катерок в разведку главный старшина Венедикт Андреев. За пулеметчика с ним ходил Геннадий Чечило, за моториста и переводчика румын Николай. Забравшись подальше в тыл врага, укрыв суденышко в плавнях, переодетые в крестьянские колушки, самотканые шаровары, обутые в самодельные пастолы, они уходили в румынские селения, чтобы разведать обстановку, добыть сведения о противнике. Перед наступательными операциями разведчики выходили на Дунай “поиграть со смертью”. Заслышав в ночи рокот мотора “Жучки”, немцы беспокоились, начинали стрелять, а смельчаки наносили на карту их огневые точки.

В одной из таких “прогулок” разведчики, укрываясь от огня, зарулили в камышистый рукав реки, увидели немецкий буксирный катер. Не растерялись, пришвартовались к нему лагом, обезоружили двух спавших там фашистов и под защитой бортов немецкого буксира ушли к своим.

В поселке Радуевац разведчики взяли языка. Он сообщил, что немцы затопили много судов своих союзников близ поселка Прахово, чтобы преградить путь кораблям Дунайской флотилии. Проверить эти данные ходил на “Жучке” Венедикт Андреев с группой разведчиков в Прахово. Дождь и холод. Не спасают ни штормовые шлемы, ни накидки, ни трофейные клеенчатые плащи. Девять пар глаз напряженно устремлены вперед. Только бы вовремя заметить завал.

— Вижу! Вижу!—шепчет матрос Чхеидзе.—Смотрите, что-то торчит из воды!

— Стоп, машина, — командует Калганов. — Держать самый малый. “Жучка” почти дрейфует. Из воды видна палубная надстройка, рядом еще одна. Левее мачта, труба и снова надстройка и мачта. Еще и еще...

“Жучка” разворачивается, медленно идет поперек реки. Корпус ее подрагивает.

Суда лежат тесно. Словно зубчатая стена перекрыла Дунай. Метрах в тридцати-сорока вверх по течению чуть просматривается такое же нагромождение. В этом хаосе надстроек, мачт и труб надо найти проход для бронекатеров.

Вдруг с югославского берега взметнулась в небо ракета. Хлещет по реке трассирующими пулями крупнокалиберный пулемет. Огненные трассы несутся и с правого берега. “Жучка” резко уходит влево и исчезает в темноте.

Три раза пытались разведчики подойти на катере к кладбищу кораблей. И каждый раз их высвечивали ракетами, яростно обстреливали с берегов. Смельчакам пришлось менять тактику, идти на шлюпке. Всю ночь они ныряли в холодную воду у затонувших судов, нащупывали, где смогли бы пройти катера. Перед рассветом им повезло: обнаружили, что корма одного из кораблей значительно сместилась вниз по течению и образовала протоку среди затонувших судов. Видимо, корабль погружался неравномерно, и корму течением успело отнести. Трижды они промеряли шестами и собственными телами эту протоку. Да, бронекатера здесь пройдут. Была найдена брешь и во втором завале.

Когда на следующую ночь десантники прорывались сквозь завалы за Прахово, на головных бронекатерах за лоцманов шли разведчики из отряда Бороды. Так был открыт путь на Белград.

Новый год моряки встречали уже в пригороде Будапешта. Шли жестокие бои.

Операцию по разгрому фашистской группировки усложняло то, что немцы и салашисты создали в городе свыше ста узлов сопротивления, каждый метр пере-

днего края просматривался днем и ночью. Все было взято под прицельный огонь. Советские войска, стремясь разгромить фашистов, по возможности старались сохранить памятники уникальной архитектуры венгерской столицы. Разведчики многих частей пытались проникнуть за передовую немцев, но безуспешно.

Теперь задание получили разведчики флотилии. В задачу им ставилось: проникнуть в район Крепостной горы, где находится штаб немцев, взять там “языка” штабиста, знающего замыслы гитлеровцев на перспективу и расположение узлов обороны города.

Уже несколько суток матросы Бороды, сменяя друг друга, вели наблюдение за противником, замаскировавшись у танка, подбитого на ничейной земле. Но нащупать лазейку никак не удавалось. Идея родилась неожиданно. Разгребая снег у танка, Виктор Калганов вдруг наткнулся на канализационный колодец, прикрытый люком. “А что, если попробовать пройти в “гости” к немцам не по земле, а под землей, через канализационные трубы?” — мелькнула мысль. Командир сбросил чугунную крышку и опустился в колодец. Труба диаметром чуть больше метра уходила в сторону противника.

Идею одобрили в штабе. Но нужна была схема коммуникаций канализационной системы. Пришлось искать специалиста. Через венгерских товарищей нашли старичка, бывшего инженера управления канализационных систем города. Он нанес на карту схему труб и смотровых колодцев. Два из них располагались в нужном районе, близ Королевского дворца.

Шестого февраля в десять часов вечера две группы спустились через смотровой колодец и по канализационной системе ушли под Буду. С командиром отряда Виктором Калгановым шли Малахов, Никулин и югославский партизан Любиша Жоржевич. В группе Венедикта Андреева были Глоба, Чхеидзе и Коцарь. Более трех часов пробирались они по колено в холодной жиже, где согнувшись, где на четвереньках, чуть высвечивая дорогу электрическим фонариком, задыхаясь от смрада даже в противогазах. Ломило спины, сводило ноги, тошнило. Казалось, этому аду не будет конца. Люди выбивались из последних сил.

Наконец, группа Андреева вышла к намеченному колодцу. Выпрямились в рост, сбросили противогазы. Чтобы не упасть от головокружения и потери сил, поддерживали друг друга. Передохнув, попробовали открыть люк. Крышка примерзла и не поддавалась. Пришлось на приклад автомата надеть шапку, чтобы приглушить стук и попытаться сбить чугунную плиту с места. От ударов она подавалась.

Андреев приподнял крышку и осмотрелся. Шел крупный, пушистый снег. Перед глазами маячила церквушка, чуть в стороне какой-то памятник. Да, это площадь у церкви Магдалины. Труба привела их к цели. Поблизости никого. Матросы друг за другом выбрались из колодца и скрылись в подъезде дома.

Больше часа длилось ожидание. Промокшие в трубах, они замерзали теперь от холода. Наконец, показались два немца. Они шли спокойно и разговаривали. Один высокий, в длинной шинели и офицерской фуражке, второй среднего роста, полнеющий, в кожаном пальто и форменной шапке с козырьком.

Удар приклада разведчика Василия Глобы пришелся длинному по затылку. Второго подмял под себя Андреев. Подоспел Алеша Чхеидзе и забил в рот фашисту

мокрую варежку, Подхватив добычу, разведчики бросились к люку.

Когда осмотрели пленных на дне колодца, оказалось, что длинный мертв. Взяли его документы. Это был оберштурмфюрер Вейс из мотодивизии СС “Фельдхермхалле”. Вторым был майор из штаба 239-й бригады штурмовых орудий.

Пленный никак не хотел лезть в трубу. Пришлось дать ему по загривку, силой нагнуть голову и втолкнуть в трубу, потом постоянно подталкивать сзади. Через сотню метров фашист стал задыхаться, впадал в беспамятство. Пришлось Алексе Чхеидзе пожертвовать ему свой противогаз. Теперь матрос сам стал задыхаться и терять сознание. Глоба и Чхеидзе шли в противогазе поочередно.

“Дорога” домой была еще трудней. Пришлось собрать в себе все оставшиеся силы. К люку у танка добрались лишь к утру.

С удачей вернулась и группа Калганова, взявшая в плен оберлейтенанта из оперативного штаба Вильденбруха.

В штабе флотилии фашисты клялись рассказать все, но чтобы только им немедленно предоставили ванную и чистое белье. Майор то и дело восклицал:

— Неужели я выбрался живым из этого ада! Нет, это хуже, чем преисподня! Лучше застрелиться, чем испытать такое!

Отмывались в бане и разведчики. Их обмундирование и все “доспехи” тут же сожгли, чтобы не затащить заразу. Напаренные и натертые тройным одеколоном, они спали богатырским сном в своей землянке.

Пленные оказались на редкость ценными “языками”. Оборона фашистов, их дальнейшие планы и намерения больше не были секретом для нашего командования.

Тринадцатого февраля, после мощного удара авиации и артиллерии по опорным узлам обороны немцев, штурмом был взят Будапешт, разгромлена почти двухсоттысячная группировка противника.

Боевой поход Венедикта Андреева закончился близ немецкой границы, в городе Линце. Еще год продолжал он нести дозорную службу на Дунае, близ Корнойбурга.

А вот рассказ фронтовика Ивана Уханова, опубликованный в газете “Красный Курган” 21 апреля 1945 года.

“...В Кетовском районе на седьмом конезаводе (ныне село Каширино) работает Иванова Пелагея Андреевна. Мужа и троих сыновей проводила она на войну. Два ее сына, близнецы Андрей и Николай служат в нашем полку. Они еще юноши, каждый из них недавно встретил свою девятнадцатую весну. Но добрая слава о них как о воинах дерзких, мужественных идет по нашей части.

Трудно отличить, кто из них Андрей, кто Николай. Похожи они друг на друга, как две капли воды.

Братья Ивановы — так и зовем мы их. Если совершил подвиг Андрей, все равно говорят:

— Это сделали братья Ивановы.

Если отличился в бою Николай, то скажут:

— Сегодня опять отличились братья Ивановы.

Между прочим, когда братья снимают шинели, то отличить их друг от друга

легко. У Андрея на груди сверкает медаль “За отвагу”, у Николая — их две.

Дружно живут Андрей и Николай. Есть у них еще и третий друг, тоже проверенный в боях, с которым они никогда не расстаются, — это их станковый пулемет “максим”. Из “максима” и уничтожают гитлеровцев братья.

Наш полк только что закончил бой за немецкий город. Рота лейтенанта Протасевича, где служат ваши земляки, расположилась на отдых на западной окраине города, в одном из немецких домов.

Командир беседует с молодыми бойцами.

— Нужно перенимать опыт уличных боев у бывалых, опытных солдат, — говорит он. — Вот, например, у братьев Ивановых многому можно научиться, как выкуривать немца из зданий...

Эти бывалые воины Андрей и Николай сидят тут же. Право же, на первый взгляд и не подумаешь, что они бывалые. Но не возрастом и не ростом измеряется на войне богатство души человека, — мастерством, силой ненависти к врагу, мужеством.

В самом деле, послушайте, что сделали сегодня братья Ивановы.

Когда рота ворвалась на центральную улицу города, из дома, что на перекрестке, гитлеровцы обрушили на нее ливень свинца, Продвижение замедлилось. Андрей и Николай с разрешения командира, пробираясь между домами, вышли на другую улицу. На середине ее стоял подбитый немецкий танк. Он явился для них хорошим укрытием. Незамеченные добрались до танка, братья Ивановы из своего “максима” ударили по окнам дома, откуда строчили немцы.

После этого немцы уже не осмелились приближаться к окнам. А воины роты, поддержанные пулеметчиками Ивановыми, штурмом взяли дом.

...После беседы командир пишущий эти строки разговорился с вашими земляками. О себе они не любят говорить. Что ж, скромность, говорят, украшает человека. Но вот я завел с ними речь о родных местах. Лица юношей сразу оживились.

— А вы тоже из Курганской области? — спрашивает меня Андрей.

— Нет.

— Ни разу там не были?

— К сожалению, нет.

— Очень у нас там хорошо, — вздыхает Николай.

— Знаете, у нас если зима, то ядреная, с морозами. Весна — так уж солнце, сердце радуется, — взволнованно добавил Андрей...

Я слушаю рассказ братьев об их родимом крае. Эта и есть та неугасимая любовь к Родине, что рождает в сердце воина мужество... Во имя этой любви так умело и зло воюют братья Ивановы...”

Героический экипаж

Штурмовик Ил-2 наши бойцы называли “летающим танком”, фашисты: “Шварце тодт” - “Черная смерть”. Обе оценки справедливы: мощный бронированный самолет, оснащенный пушками, пулеметами, бомбовым и ракет-

Гареев Муса

ным вооружением, наносил огромные потери противнику. Бронекорпус и пуленепробиваемое остекление кабины надежно защищали летчика, что позволяло уверенно атаковать наземные цели с предельно малых высот, “в упор” рассматривая технику и пехоту врага. Однако первые серии этих грозных машин, вопреки замыслу и воле конструктора, изготавливались одноместными - без кабины стрелка. И “Илы” 41-го - 42-го годов несли неоправданные потери от атак гитлеровских истребителей с задней полусферы.

В феврале 1942 Сталин вызвал авиаконструкторов, пожалел о прежнем решении запускать в производство Ил-2 в одноместном варианте и предложил: “Делайте, что хотите, но ... немедленно дайте фронту двухместные самолеты”.

Уже с середины 1942 года Куйбышевский авиазавод №18 параллельно с выпуском одноместных Ил-2 наладил производство штурмовика с задней стрелковой установкой. Бесценный опыт боевого применения позволил существенно доработать Ил-2: ему не просто вернули кабину стрелка, но и значительно повысили боевые возможности: установили более мощные пушки и реактивные снаряды, новый прицел, ввели дополнительные системы защиты бензобаков. На фронт потоком (полк - в день!) пошли “Илы” Победы.

Такой “Ил” получил Муса Гареев - двадцатилетний младший лейтенант 76-го гвардейского штурмового авиаполка, прошедший суровую школу сталинградских боев. В начале мая 1943 года командир эскадрильи подвел его к новенькому двухместному Ил-2 и сказал: “Вот на этом “горбатом” и будешь летать”. Фронтное прозвище “горбатый” Ил-2 получил за характерный (“горбиком”) выступ кабины над фюзеляжем для лучшего обзора летчиком наземных целей. Название меткое - “горбатые” несли на себе основную тяжесть авиационных атак по противнику. Оглядывая самолет, Гареев поинтересовался, где же его воздушный стрелок. “Будет, не волнуйся. Такого подберем - как у Христа за пазухой будешь!” - ответил командир.

В послевоенных мемуарах Муса Гайсанович вспоминал: “Не знаю, как бывает “у Христа за пазухой”, но то, что стрелок мне попался хороший, это уж точно. У Саши Кирьянова было простое крестьянское лицо, внимательные быстрые глаза и широкая добрая улыбка. Он был не только хорошим стрелком, но и верным другом, хорошо знал

*Кирьянов
Александр Иванович*

самолет и мечтал переучиться на летчика. Сближало нас и несколько других немаловажных обстоятельств: возраст - 21 год командиру и 23 - стрелку, общность биографий - оба из сельской местности, до службы в авиации я учился в железнодорожном техникуме, Александр окончил Тобольское педучилище, в Красной Армии оба - с 1940 года. Но главное - земляки! Я - уроженец Башкирии, а Кирьянов родился в деревне Никитиной Щучанского района”.

Совместно они выполнили свыше 200 боевых вылетов. Чтобы глубже осознать значение этих цифр, поясним: средняя продолжительность жизни летчика-штурмовика на фронте - 15 боевых вылетов, стрелка - не более 10. За 80 боевых вылетов летчик-штурмовик мог быть представлен к званию Героя Советского Союза. 200 совместных боевых вылетов означают одно: летчик Гареев и воздушный стрелок Кирьянов победили смерть. Прорываясь сквозь огонь зенитной артиллерии, отбивая атаки истребителей, они настойчиво пробивались к целям и наносили свои смертоносные удары по фашистам. Летному таланту и личной отваге летчика сопутствовали мужество, мастерство и самообладание стрелка. Муса Гареев и Александр Кирьянов образовали один из лучших экипажей Военно-воздушных сил Красной Армии.

Бои, бои, бои... за ними не думалось о наградах. Но Первوماй сорок пятого запомнился отважному экипажу навсегда. В этот день Муса Гареев получил сразу две Золотые Звезды Героя Советского Союза! Первой он был с запозданием, 23 февраля 1945 года, удостоен за бои в Белоруссии, но невиданное количество боевых вылетов на штурмовике - 250(!) и огромные результаты ударов по врагу вывели Гареева в число лучших летчиков страны - Дважды Героев.

Александр Кирьянов, совершивший 256 боевых вылетов на “Ил-2”, стал полным кавалером ордена Славы.

3 мая экипаж Гареева отправили ... в отпуск - редчайший на войне случай - ведь бои продолжались. Утром 9-го мая, в день Победы, они оказались в ликующей Москве. В тот день поздравляли всех воинов, но наших героев особо торжественно: подбрасывая на руках в воздух! Честь по заслугам: на груди гвардии майора Гареева две Золотые Звезды и восемь орденов, у гвардии старшины Кирьянова - три “Славы”, две медали “За отвагу”, ордена Отечественной войны и Красного Знамени. Оба летчика направлялись в родные края, но не мог Муса отпустить своего Сашка, не представив его своим родителям. Они побывали в Уфе и в родном селе Гареева. Можно понять чувства благодарности отца и матери к человеку, ставшему в огненном небе войны щитом их отважного сына. Они дружили семьями до конца жизни. За несколько дней до вечной разлуки, пряча слезы, Муса в последний раз обнял своего верного друга. Кирьянова не стало в 1972 году, а через год Дважды Герой Советского Союза Муса Гайсанович Гареев выпустил свои мемуары - “Штурмовики идут на цель”, в которой Александру Ивановичу Кирьянову он посвятил сотни прекрасных строк. Плечом к плечу прошел героический экипаж сквозь огненное небо войны. В одном строю победителей принимала их Красная площадь на параде Победы. Навеки соединены их имена в благой памяти потомков.

К великому сожалению, не всегда так удачно заканчивалась судьба военного летчика.

Бесстрашно воевал наш земляк из Петухово Алексей Шмырев, младший лейтенант 95-го гвардейского штурмового авиаполка 5-й гвардейской дивизии штурмовой авиации на 3-м и 1-м Украинском фронтах. С конца 1943 года и за 1944 год на его счету было более 50 успешных боевых вылетов, не один десяток уничтоженных вражеских машин и танков, сотен солдат и офицеров. В феврале 1945 года Алексей в группе из восьми самолетов ИЛ-2 вылетел на задание по уничтожению немецких танков в районе города Бреслау на Орде. После двух заходов над целью часть танков противника бомбами и РС-им были уничтожены, но в это время зенитный снаряд попал в машину Шмырева, где находились еще противотанковые авиабомбы. Самолет загорелся. Алексей, не выходя из боя, направил свою горящую машину в гущу немецких танков. Так погиб бесстрашный патриот, комсомолец Алексей Шмырев, награжденный орденом Красной Звезды и Отечественной войны.

Считаю себя счастливым

Иван Александрович Киш родом из Мало-Мартино Макушинского района. Воевал на Северо-Западном, Карельском, Волховском, Ленинградском и 1-ом Белорусском фронтах. От рядового бойца 578-го саперного батальона дослужился до старшины, командира взвода 17-й отдельной саперной штурмовой бригады. Был дважды ранен, контужен. Награжден орденами Красной Звезды, Славы, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями “За отвагу”, “За боевые заслуги”, “За освобождение Варшавы”, “За взятие Берлина” и многими другими. Он о своей военной судьбе рассказывал вот что: “Прочитал в газете о пятерых братьях Мироновых, чьи имена вечной памятью вписаны на обелиске села Чинеево Юргамышского района, и озноб загулял по спине. Антон, Аким, Ефим, Иван и Михаил

Киш Иван Александрович

ушли на войну и пали там в жестоких боях. Ходить бы им по улицам села, детей растить. А буквы, запечатлевшие их имена, как живые души. Над обелиском голубое небо..., в домах живут люди, которых братья заслонили в смертельных схватках с врагом.

Размышляю об этом как фронтовик, как сын своей мамы, провожавшей своих сыновей защищать от врага родную землю. Нас пятеро братьев — Афанасий, Василий, Семен, Виктор и я — провоевали на фронтах Отечественной войны “от звонка до звонка” и все вернулись домой. Случай почти невероятный.

Мне довелось защищать Ленинград, Москву, многие города и посёлки, форсировать Ловать и

Свирь, Вислу, Одер и Шпрее, участвовать в штурме Берлина. Но, кажется, никогда не было так тяжело, как в первые дни войны, в период отступления.

...Это было под Ленинградом. Наш батальон в течение дня отбил шесть атак фашистов. Атакуя в последний раз, немцы бросили на наш участок танки. Непросто, совсем непросто было подниматься из окопов и идти на ползущие чудовища с бутылками горючей смеси и со связками гранат. А ведь и поднимались, и шли, и поджигали танки...

...Навсегда врезался в память один из эпизодов большой войны. Нашему подразделению было приказано отбить у немцев мост через реку Ловать. Командир роты капитан Воробьев напутствовал нас: “Ваш успех - в скрытности и внезапности удара”.

И вот мы, плотно прижимаясь к земле, ползем к мосту. Тихо. Чертова тишина, кажется, слышно вокруг, как колотится сердце. Нервы на пределе, дрожат пальцы. Томительно тянутся такие долгие минуты.

Но вот сдавленный вопль - часовые сняты. Стремительным броском блокируем два блиндажа. Взрывы гранат, сухой треск автоматных очередей. Ничего не подозревавшие немцы растерялись, выскакивают из блиндажей в одном нижнем белье, бегут...

Наш! По нему уже ринулись техника, пехота...

Вообще, внезапность на войне - большое дело. Помню, при наступлении на станцию Нарва наше подразделение было прижато к земле плотным огнем противника. Укрывшись в блиндаже, гитлеровцы вели по нам прицельный огонь. Появились убитые, раненые. Что-то надо делать. И тут мой земляк Саша Стенников (он родом из деревни Казарки Макушинского района) крикнул мне: “Земляк, за мной!”

Под прикрытием плотного огня своих товарищей мы с ним скрытно подползли к блиндажу и забросали его гранатами. Путь был открыт. Наши ринулись в атаку. А я перевязывал раненого друга возле дымящегося блиндажа...

Собрались мы, прошедшие через войну, братья в 1946 году в Кургане, на квартире Афанасия. Сколько тут было и радости, и воспоминаний! Ну, как, к примеру, было не вспомнить, что два раза за войну совершенно случайно мы встречались с братом Василием на фронтовых дорогах. Он был шофером в автобате. По письмам мы поняли, что воюем где-то рядом. Он мне написал: “Смотри, Иван, машину с надписью “Водитель-отличник”, может и повезет, меня увидишь”.

И вот в сорок втором, где-то под Старой Руссой наш батальон следовал по болотистой гати в лесу к линии фронта. Слякотно под ногами, пусто в желудке, тяжело на душе. А навстречу движутся в тыл солдаты, автомашины, не зевай, то и смотри: под колеса попадешь. Понуро бреду. Слышу, рядом урчит машина. Поднял глаза, а на кабине: “Водитель-отличник” и за рулем — Василий! Глазам не верю.

— Вася! Браток!

Он резко затормозил — и из машины рванулся. Сцепились в объятьях. А рядом уже начальственный голос:

— Почему машина остановилась?! Мать вашу так!

— Да братья тут встретились, обнимаются!

— Нашли место! Вперед! Пока немец обстрел не начал!

Разжались руки. Я к комбату. Отпустил на час, с условием, что догоню. За гатью Василий отъехал в сторону, под березы, остановил машину. Сели. Он хлеба достал, банку консервов, сахар. И есть хочется, и наговориться не можем. Времени-то час на весь отпуск. В общем, продукты “перекочевали” в мой вещмешок. Василий сбегал к товарищам еще буханку принес. И побежал я своих догонять. А тут обстрел из дальнобойных немцы начали. Швырнуло меня в воронку. Очухался — Василий рядом. Он меня из болотной ямы и вытащил. Увидел, что там, где я только что скрылся, снаряды стали рваться. После обстрела пошел проверить и нашел.

А весной сорок третьего снова на дороге встретились. Вот ведь как повезло.

На войне много случайностей происходит. Получил я как-то задание с бойцом доставить материал и сделать настил в блиндаже, где размещался штаб Северо-Западного фронта, которым тогда командовал генерал Павел Алексеевич Курочкин. Работу выполнили, вышли, курим. К штабу подкатил “виллис”. Из него выпрыгнул маршал Ворошилов. Был он в комбинезоне, но я его легко узнал по сходству с портретом. Из-за руля “виллиса” в таком же комбинезоне вышагнул здоровенный мужчина. Я с восхищением шепнул своему напарнику: “Вот это шофер у маршала!” А оказалось: это был маршал Тимошенко.

Маршала Жукова увидел первый раз в траншеях перед Вислой. Хорошие были траншеи, в полный рост, стенки прочные, глинистые. Стоим, отдыхаем после работ по их сооружению, а Жуков, откуда ни возьмись — с командующим нашей пятой ударной армии генералом Берзариним и целой свитой начальства. Прошли мимо нас. Несколько раз останавливались, рассматривали местность в сторону немцев, говорили.

— Ну, братва, будем наступать, — сказал тогда ротный.

И, правда, через день или два мою группу минеров-подрывников придали штрафной роте. Ночью начали разминировать проходы в сторону немцев. Еле выбрались из траншеи. Солдат, которые поменьше ростом, подсаживать приходилось. Сделали проходы, обозначили их бинтами, чтобы видно было в ночи, и вернулись. А тут три зеленые ракеты одна за другой в небо взлетели. И штрафники пошли в атаку. Как ветром их из траншеи выдуло. Такой отчаянной стремительности я не видел за всю войну, ни до, ни после. С их броска и началось наступление.

Вторая встреча с Георгием Константиновичем случилась уже в Берлине. Со своей группой минеров-подрывников мы обеспечивали проходы войскам. Приходилось взрывами пробивать стены домов и подвалов, чтобы продвигаться к центру немецкой столицы с меньшими потерями. Шли и канализационными трубами. Часто в этом нам помогали гражданские немцы. Они приходили, показывали открытки Тельмана или Ленина, показывали пальцем себе на грудь и говорили: “Я коммунист”, — и вели нас только им известными проходами.

Взяли мы дом Геринга — так называли здание министерства военной авиации гитлеровцев. Прокоптелые, ободранные, в известке и кирпичной пыли стоим во дворе недалеко от проема взорванной стены, ждем поваров с обедом. Через проем видны огромный круглый стол, стулья, карты на стенах кабинета. Глазею. Вдруг во двор вкатились две бронемашины и остановились около нас. Из них вышли маршал Жуков, генерал Берзарин и еще группа генералов. Подошли. Георгий Кон-

стантинovich похлопал меня по плечу и спросил:

— Ну, как, Иван, самочувствие?

— Нормальное, товарищ Жуков!

Маршал заулыбался.

— Так и должно быть. Еще один рывок — и Победа! А там по домам.

Георгий Константинович и его свита прошли в здание министерства, а меня окружили солдаты.

— Иван, откуда тебя сам Жуков знает?

А я в себя прийти не могу от этой встречи и такого поворота. Бойко отвечаю:

— Знает, да и всё. Встречались на военных дорогах.

Думаю, что Георгий Константинович вложил тогда в это обращение — “Иван” весь смысл и дух русского воинства. Ведь на Руси исстари говорят, что земля не на китах, на Иванах держится.

Эта встреча и это обращение маршала Жукова живут в моей памяти все эти годы. И останутся со мной навсегда.

Правда, до победного штурма рейхстага мне пришлось еще попотеть, сделать не один бросок и не через один бой пройти.

И уцелеть! Многие бойцы форсировали кровавую реку Шпрее один раз, а мне пришлось сначала под огнем фашистов соорудить на ней из лодок паром, а потом переправлять через реку подразделения полка.

Восемь весел на пароме, за каждым - гребец. Сходим туда и обратно — нас из девятки остается в живых два-три бойца. И так много раз. Пронесло. Уцелел.

После победы полк расквартировался в казармах одного из военных училищ Берлина. Началась кропотливая работа по разминированию, по демонтажу фашистских военных объектов.

И снова непредвиденный счастливый случай. Демонтировали мы тогда оборудование химического завода. Слышу шум у проходной. Часовой кого-то не пускает. Подхожу, а там мой брат Семен рвется на объект, убеждая часового, что здесь должен находиться его брат Иван.

Какая это была встреча! Целую неделю мы жили вместе. Семен как учитель демобилизовался в первую очередь. Разыскал меня через Берлинскую комендатуру.

Потом я провожал его по этой же Шпрее на самоходной барже, забитой до отказа радостными бойцами. Они ехали домой. И среди них я один, провожающий брата.

Я верю в удачу, в судьбу. Считаю себя счастливым. И, тем не менее, мне хочется сказать, что подвиг солдата на фронте был буднично скромным. Потребность защитить, заслонить собой друзей, спасти их от гибели, вероятно, самая человеческая из всех существующих движений души, и она заслуживает нашей глубокой и вечной благодарности, ибо мы живы потому, что они нас заслонили, защитили.

До сих пор вспоминаю, какое нечеловеческое напряжение выдерживали мы не только во время боёв, но и после них. Снова надо было рыть окопы, хоронить убитых товарищей, держать оборону по пояс в воде или по грудь в снегу. Перед каждым боем, атакой проделывали проходы в минных полях, а разминирование - это опаснейшая ювелирная работа.

Особенных героических подвигов я не совершал, я защищал Родину, выполнял наказ народа, служил честно и добросовестно. Мои ежедневные фронтовые будни были для меня тяжёлой, но необходимой работой. Я был минёр, ошибаться было нельзя.

Пролетают годы. Память многое сгладила, но никогда не забудется в наших сердцах память о тех, кто отдал свою жизнь для защиты Родины. Да и история этого не должна забываться, если историки не исказят её и не уведут в сторону народ от правды-истины.

Как участник Великой Отечественной войны я обращаюсь к молодёжи – изучайте, не забывайте нашу историю, не забывайте тех, кто в трудных, нечеловеческих условиях спас Родину от фашизма, кто самоотверженным трудом в тылу помогал в достижении Победы, не верьте фальсификаторам истории.

Хочу верить, что никогда не повторится трагическое 22 июня 1941 года.

С ТАКИМИ МАРШАЛ ЖУКОВ ПОБЕЖДАЛ

Просматривая великолепную фотолетопись “Георгий Жуков”, изданную к 100-летию со дня рождения Великого Маршала, увидел в ней среди фотодокументов Великой Отечественной лица двух дорогих наших земляков-зауральцев.

Считаю, что чести такой они удостоены не зря. Именно такие люди олицетворяют солдатское мужество и стойкость. Вглядитесь в фотодокумент, запечатлевший этого “пахаря” войны, ее рядового Федора Ефимовича Речкина.

Этот миг из фронтовой жизни Великой Отечественной войны запечатлел на фотографии военный фотокорреспондент Израиль Озерский. На ней во весь рост перед всем миром встает наитягчайший солдатский труд. Так шли к победе простые советские воины, чтобы защитить от врага свою семью, свой дом, свою Родину. Шли долгие четыре года. И победили!

Снимок обошел газетные полосы многих стран, выставлялся на многочисленных фотовыставках, пока, наконец, не был опознан запечатленный на нем солдат.

Фронт наступал. Наступал и 928-й артиллерийский полк со своими пушками первой линии огня, метко окрещенными фронтовиками “Прощай, Родина”. В составе полка прошел до победы крестьянин из села Памятное Белозерского района Федор Ефремович Речкин. Я больше чем уверен - он и не видел, как щелчок фотокамеры запечатлел образ его и образ войны навеки.

Вернувшись с фронта, Федор Речкин многие годы работал завхозом в Памятинской школе. Однажды вернувшись из Москвы, директор школы подошел к Речкину и сказал: “Скромняга вы у нас, Федор Ефремович. В Москве с вас большую фотографию военных лет показывают, а вы помалкиваете”.

Директор был в столице в канун Праздника Победы и на одной из фотографий фотовитрины ТАСС опознал завхоза школы. А некоторое время спустя шла телепередача, посвященная воинам-победителям. В семье Речкиных вечером, как обычно, смотрели телевизор. И вдруг жена Речкина схватила мужа за плечо: “Федя,

Речкин Федор Ефремович

так это же тебя показывают! Смотри! Смотри!”

А по щекам Речкина текли слезы.

Прибежал к Речкиным сосед-фронтовик Николай Афанасьевич Семенов с поздравлениями:

“Тебя, Федор, сейчас по телевизору показывали! Видел? Вот здорово... Поздравляю!”

Ветераны направили письмо в Москву, в фотоархив Советской Армии. Вскоре получили подтверждение, что на снимке запечатлен момент наступления 928-го артполка летом 1944 года. В составе его и воевал Федор Ефремович Речкин.

Снимок с той поры и стал достопримечательностью сельского краеведческого музея.

Второй снимок сделан июльским днем 1944 года на шоссе, ведущем в сторону Каунаса. А дело было так. Дивизион гаубиц перебирался вслед за фронтом на новый рубеж. Гаубица — орудие серьезное, работает обычно вдали от передовой и догоняет своих уже по тыловым дорогам.

Наш земляк из села Обутки Макушинского района сержант Александр Николаевич Мельников сидел на передке вместе с попутчиком — военным фотокорреспондентом Анатолием Морозовым, свертывал самокрутку. Сосед — замковый — дремал.

Внезапно слева от опушки леса пошли, охватывая дивизион дугою, немецкие танки — два десятка “тигров” и “пантер”.

Еще звенели команды по расчетам, еще солдаты разворачивали тяжеленные станины лафетов и заряжающие рвали с передков снарядные ящики, а Мельников уже прильнул к панораме, ловил в перекрестие черную тень.

Мельников Александр Николаевич

— Снаряд. Заряд. Право — десять... Одновременно сверкнуло, ударило тугим горячим воздухом: здесь — у орудия и там — возле танка. Затем поле смешалось с поднявшейся землей и дымом, и бой начался. Во второй батарее убило наводчика, к орудию бросился замполит дивизиона майор Джапсатбаев.

Теперь в панораме у Мельникова — черный зрачок орудийного ствола. “Тигр” целит в гаубицу. Не дать ему выстрелить первым.

— Огонь!

Башня — к чертовой матери. Из “тигрового” нутра — огненный столб.

—Снар-ряд!

Когда бой стих, одиннадцать металлических чудовищ дымились, развороченные гаубичным огнем, остальные уходили к лесу. В дивизионе числилось двенадцать стволов. Осталось девять...

Мельников с почерневшим от копоти лицом тяжело дышал, снова закручивая сигарку. Морозов прилачился его сфотографировать (“пантеру” поджег сержант!). У артиллериста дрожали руки: только что потерял двух товарищей.

... Такие они, мгновения войны.

Война катилась к закату. На пути к германской границе оставались последние километры. Фашисты бешено сопротивлялись. Последний приграничный польский город Равич они превратили в настоящую крепость. Чтобы сломить сопротивление врага, сюда была брошена 93-я отдельная танковая бригада прорыва. Механиком-водителем тридцатьчетверки в ней воевал наш земляк Александр Варфоломеевич Исаков. Двумя орденами солдатской Славы были уже от-

*Исаков
Александр Варфоломеевич*

мечены его боевые подвиги.

После жестокой артподготовки над городом плыла густая пелена дыма и кирпичной пыли, когда в атаку были брошены бронированные машины. Танк Александра Исакова одним из первых прорвался к окраине Равича, поджег два немецких танка и устремился к центру. Но здесь от прямого попадания тяжелого снаряда с тридцатьчетверки сорвало башню. Командир и наводчик погибли. Исаков от контузии потерял сознание.

Долго ли это длилось, Александр Варфоломеевич не помнил. Но когда пришел в себя, удивился тишине. Приоткрыл люк и оторопел. В нескольких десятках метров от него немецкие артиллеристы вели огонь по наступающим. Они, видимо, считали, что с танком Исакова все покончено.

Нога механика-водителя привычно коснулась стартера, руки сжали рычаги управления... Машина вздрогнула и рванулась вперед.

Гитлеровцы заметили безбашенный танк, наседающий с фланга. Они засуетились, пытались развернуть пушку, но было уже поздно. Расчет исчез под гусеницами машины. Танк ринулся на следующую батарею, кромсал и рушил фашистскую технику. Потом новый удар страшной силы потряс машину. И Исаков снова потерял сознание.

Танкист не знал, что его смертельная схватка с фашистами обеспечила успех подразделения в бою. Используя замешательство немцев, наши танки прорвались через опасную зону и добились врага.

Друзья вытащили Исакова из разбитой машины, залитого кровью. Ноги, руки, лицо были изранены, но сердце еще билось. Санитарная машина отвезла его в госпиталь. И танкист выжил.

За этот подвиг Александр Варфоломеевич Исаков и был удостоен звания Героя Советского Союза. После фронта работал механизатором в Частоозерском районе, был участником ВДНХ, награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Наказ земляков исполнил

При въезде в село Уксянское Далматовского района, у березовой рощицы, лихо вздернув ствол пушки чуть вверх, как бы в стремительном порыве застыл на постаменте танк "Т-34". В зеленый цвет покрашена броня. На башне надпись: "Тракторист Уксянской МТС Курганской области".

Почему в сибирском селе, среди хлебородных полей и березовых перелесков, где тяжелыми гусеницами танков не гуляла война, на постаменте грозная боевая

*Засыпкин
Филипп Семенович*

машина? Может, лучше бы здесь стоять стальному коню полей — трактору?

Нет! Это особенный танк! У “Уксянского тракториста” удивительная судьба. А складывалась она так. Рабочий Уксянской МТС Филипп Семенович Засыпкин ушел на фронт и стал механиком-водителем танка. В яростном бою 18 сентября 1942 года под Сталинградом его машина была подбита, а Засыпкин получил контузию и ожоги рук и лица. После излечения он отважно воевал на Брянском и Южном фронтах. Был награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны второй степени. Но снова в одном из боев сгорела его машина. Об этом узнали рабочие МТС и решили собрать деньги на танк земляку.

На имя Верховного главнокомандующего ушла телеграмма: “Коллектив Уксянской машинно-тракторной станции Курганской области, желая помочь фронту быстрее добить немецко-фашистских захватчиков, из личных сбережений собрал сто тысяч рублей деньгами и двадцать три тысячи облигациями госзаймов на строительство танка.

Просим разрешить построенный на наши сбережения танк назвать “Тракторист Уксянской МТС Курганской области” и передать его земляку, бывшему шоферу нашей МТС, ныне танкисту, орденоносцу Засыпкину Филиппу Семеновичу”.

Просьба была удовлетворена. 13 января 1945 года, на Висле, танк “Тракторист Уксянской МТС Курганской области” был в торжественной обстановке вручен

Засыпкину рабочими перед всем полком.

В номере газеты “Красный Курган” за 31 марта 1945 года было опубликовано письмо с фронта под заголовком “Танк Уксянской МТС идет на Берлин”.

“В надежные руки попала ваша машина. Старшина Засыпкин с боями провел ваш танк 750 километров, от Вислы до Одера, из них 110 километров по земле фашистской Германии. “Тракторист Уксянской МТС Курганской области” уничтожил не одну сотню гитлеровцев, смял своими мощными гусеницами много боевой техники врага. За доблесть и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, весь экипаж получил правительственные награды. Теперь танк бьет немцев на пути к Берлину. До сердца фашистского логова недалеко”.

С честью выполнил наказ земляков Филипп Семенович Засыпкин — в жестоких боях довел свой танк до логова фашистского зверя. За мужество и отвагу, проявленные в боях, был награжден орденами солдатской Славы второй и третьей степени, медалью “За взятие Берлина”. Вернулся домой, работал многие годы шофером.

Вернулся в Уксянку и танк. Он сегодня — живая память тех огненных лет. Память отважному танкисту Засыпкину, память всему военному поколению, слившему воедино героизм и усилия армии и советского народа в разгроме врага. Для всей страны память!

Награды разведчика

Удивительна военная биография курганского железнодорожника Геннадия Петровича Чурикова. Правда, ему поработать токарем в депо пришлось лишь год: помешала война. Он добровольцем ушел на фронт, а набравшись там боевого опыта, добровольцем вступил в дивизионную разведку и выполнил немало сложнейших заданий командования. Вот только некоторые из них: “На участке фронта, проходившем вблизи крупного населенного пункта Гаи Великие, что в Тернопольской области, уже несколько раз в момент наступления наших войск появился неожиданно фашистский бронепоезд и наносил мощные удары по наступающим. Летчики не могли “уловить” его во время этих обстрелов и бронепоезд уходил в хорошо замаскированное укрытие. Дивизионным разведчикам Геннадию Чурикову, Павлу Титову и Александру Горину было поручено установить местонахождение фашистского бронепоезда, взорвать железнодорожное полотно, чтобы он не смог уйти, сообщить координаты местонахождения злостного противника.

Разведчики ненастной ночью перешли линию

Чуриков
Геннадий Петрович

фронта и начали поиск. Обнаружили рельсы, а по ним и место укрытия, начали вести наблюдение за системой охраны, сменой караула, обдумывать, где безопаснее и надежнее заложить взрывчатку, наметить пути отхода. Для изучения смены постов караула, ударная группа разведчиков дважды пробиралась к железнодорожному полотну, тщательно вела наблюдение и только, когда точно было установлено время смены караула, разведчики приступили к выполнению задания. Выбрали подходящее место для диверсии, приступили к минированию железнодорожного пути, как вдруг в дождливое небо взвились три осветительные ракеты, разведчики, как по команде вросли в насыпь железнодорожного полотна. Только когда потухли ракеты и воцарилась темень - продолжили работу по минированию. Когда всё было готово, они спустились с насыпи, разматывая шнур. Уйдя в безопасное для себя место, взрывник повернул ручку электровзрывателя, раздался оглушительный, потрясший всё вокруг взрыв. Выполнив задание командования, разведчики без потерь возвратились к своим. Сообщили точные координаты фашистского бронепоезда. Наутро наша артиллерия ураганным огнём превратила бронепоезд в груды металла. За эту операцию все разведчики были награждены. Чуриков получил орден Славы третьей степени.

Наши войска вели тогда упорные бои с фашистами под Каменными Бродами, городом в Ровенской области. Для успешного развития наступления командованию нужно было установить позиции врага, его силу, артиллерийские батареи и пулеметные гнезда: нужен был “язык”. Для выполнения этой задачи была направлена группа разведчиков под командованием старшины Чурикова.

Перед рассветом разведчики перешли линию фронта и углубились в лес.

На рассвете один из бойцов наткнулся на телеграфный провод. Решили перебраться вдоль него. Не прошли и километра, как вдруг услышали почти рядом немецкую речь. Разведчики поползли на звук. В окопе сидели два немецких офицера. Один из них разговаривал по полевому телефону. Только он окончил разговор, как бойцы скатились в окоп. Взяли обоих вместе с телефоном и доставили к своим. Командование получило ценные сведения. За эту операцию Геннадий Петрович получил орден “Славы” второй степени.

336 стрелковая дивизия, в которой служил Чуриков, вела ожесточённые бои на территории Чехословакии.

Для более эффективного удара по фашистам нужно было установить связь с местными партизанами. Для выполнения этой задачи командование дивизии направило группу разведчиков во главе с Чуриковым. Задание было выполнено, связь налажена. В обратный путь отправились ночью. Расставались с чехословацкими партизанами как самые близкие друзья.

Разведчики уже приближались к линии фронта, нужно было перейти асфальтированное шоссе. Залегли перед броском, прислушались. И вдруг до слуха донёсся рокот мотора легковой машины. Когда машина поравнялась с разведчиками, в неё полетели гранаты. Машину подбросило и перевернуло, сидящие на переднем сидении офицер и водитель были убиты, а на заднем сидении притаился перепуганный майор, при нем был портфель с документами. Как впоследствии оказалось, там были схемы полей минирования.

За образцовое выполнение задания Чуриков был награжден орденом Сла-

вы первой степени.

Геннадий Петрович за годы войны был награжден еще и двумя орденами Красной звезды и медалью “За отвагу”. В день Парада победы гвардии старшина Геннадий Петрович Чуриков прошел в строю победителей по Красной Площади столицы мимо поверженных фашистских знамен.

ГЕРОИ ПОСЛЕДНЕГО ШТУРМА

В майском номере “Журналиста” за 1970 год опубликовано несколько редких фотографий военных лет. Под одним из снимков подпись: “Их орудие било по Рейхстагу прямой наводкой. Фото Владимира Гребнева”. Оказалось - это расчет орудия нашего земляка Афанасия Федоровича Стенникова, комбайнера из села Зайково, что под Курганом.

“Это было в Берлине, - рассказывал наш земляк Афанасий Стенников, - Мы тогда только что выбили фашистов из здания имперской канцелярии и взяли на прямую наводку рейхстаг. Ведем огонь по превращенным в бойницы окнам фашистского логова. Немцы в ответ из чего попало палят по нам. Ураганный огонь. И тут вдруг корреспондент на позиции появился. Как он пробился к нам?! Я, говорит, вас для истории запечатляю.

А кругом дым, облака кирпичной пыли от разрывов снарядов. Какое тут фотографирование! Да и мы как черти прокоптились, только зубы блестят. А он с аппаратом и этак, и так. На прощание пообещал после боя нас еще расчетом заснять.

Орудийный расчет старшего сержанта Стенникова (на снимке в центре)

Несколько часов ведем огонь. Сами целы лишь потому, что место для позиции удачное подвернулось: парадный подъезд имперской канцелярии. Сюда мы притащили свою пушку подвальными коридорами. Переносили ее по частям: сначала ствол, потом станину, ящики со снарядами. Одним бы не управиться — пехота помогла. Ей без нас хода к Рейхстагу нет. С флангов нас укрыли мощные колонны, а спереди сметаем гитлеровцев непрерывным огнем, не даем себя в обиду. Наводчик Паша Михалев, на снимке он справа от меня, тоже нашенький — из села Ярового Половинского района — просто снайперски пушку наводил. Несколько фашистских гнезд начисто снарядами уничтожили. Смотрим, рядом уже начали вступать в бой другие орудия. Он разгорался все жарче. Несколько раз принимались бить по Рейхстагу пушки больших калибров. Особенно сокрушительным был их удар после полудня. И немцы стали огрызаться слабее. Ну и наши поднялись в атаку. Уже и в рейхстаге — бой. Ворвались и мы. Ну где ты, ирод, бесово фашистское чудовище, проклятый Гитлер!?! Где?! Хотелось схватить его и задушить собственными руками. Но кругом груды обломков, битое стекло, фашистские бумаги с орлом и свастикой. Разгромленное звериное логово.

Потом немцы начали сдаваться в плен. Из подвалов потянулись вереницы гитлеровских вояк. Смотрят себе под ноги, головы втянуты в плечи; боятся возмездия.

А нам не до них. Площадь гудит, как улей. На ней солдаты, танки, машины — поток войск. Устали мы до смерти — сутки без еды, двое — без сна, а глаза у всех горят от радости: Рейхстаг взят! Войне конец!

Появились на площади походные кухни. А у солдат закон: есть время и возможность — подкрепись. Набрали в котелке каши. Поели, сон морить стал. На ночлег расположились прямо на полу, в рейхстаге. Шинели в изголовье, автоматы рядом.

Вроде бы не успел и глаз сомкнуть — трясут за плечо и голос знакомый: “Стенников! Товарищ старший сержант! Вставайте. Корреспондент тут вас разыскивает”.

Открываю глаза. А он, тот самый корреспондент, улыбается: рад, что нашел. Нас там тысячи, а он отыскал. — Вот ведь как в жизни бывает”.

А вот что написал о снимке военный корреспондент Владимир Гребнев: “По поводу снимка и людей, заснятых на нем, могу сказать следующее. Орудийный расчет старшего сержанта Афанасия Федоровича Стенникова в составе 3-й ударной армии дошел до Берлина и штурмовал рейхстаг. В одном из последних жарких боев я наткнулся на расчет, стреляющий из парадного подъезда дома Гимmlера прямой наводкой по рейхстагу, расстояние до которого было метров 350. Рейхстаг отчаянно огрызался: там засели матерые фашисты, которые знали, что это конец. Копоть и дым застилала видимость. Наши войска накапливались в подвалах окрестных домов для решительного штурма. Орудийный расчет Стенникова непрерывно вел огонь по рейхстагу. После боя я отыскал расчет и сфотографировал его возле дома Гимmlера для нашей армейской газеты “Фронтвик”, в редакции которой я прошел всю войну. Один из снимков высылаю вам”.

Павел Михалев, награжденный за подвиг у Рейхстага орденом Ленина, был просто влюблен в командира.

— Афанасий Федорович? На фронте был мне больше отцом, чем командиром.

И не только мне, расчету всему. Где погорячей — сам наперед шел. Частенько меня наставлял: “Ты, Михалев, голову зазря под пули не суй. Она у тебя не для того, чтобы каску носить, а чтобы думать. Вот и смекай”. В самой сложной обстановке он не терялся. Как-то мы неожиданно наткнулись батареей на отступавшую немецкую автоколонну. По силенкам-то нашим бы укрыться, уйти от боя, а Стенников команду дает: “Орудия — к бою! По головной зажигательным — наводи!” Подожгли мы головной грузовик, потом по замыкающим ударили. И они — факелом. А мы уже шрапнелью по колонне кроем. Больше двухсот фашистов только в плен взяли тогда, а сколько техники, оружия. И все он, Афанасий Федорович, — смекнул, что отступающий немец в серьезную драку не полезет.

А вот что записано в наградном листке на старшего сержанта Стенникова: “Командир орудия старший сержант Стенников Афанасий Федорович в боях по прорыву долговременной, глубоко эшелонированной обороны немцев на плацдарме западнее реки Одер, в районе Кинитц, 1 апреля 1945 года при дальнейшем наступлении на Берлин проявил отвагу, мужество и героизм. Прямой наводкой из своего орудия уничтожил батарею тяжелых зенитных орудий противника, стреляющих по нашим танкам.

Орудие первым было переброшено через переправу на реке Шпрее 30 апреля 1945 года и открыло первым огонь по германскому рейхстагу. В результате дерзости расчета была захвачена совершенно исправная переправа, через которую, под прикрытием артогня из орудия тов. Стенникова, были переправлены наши тяжелые танки. Кроме того, расчетом уничтожено 4 полевых орудия противника, а две батареи пушек захвачены в исправности.

После того, как орудие было выдвинуто на прямую наводку у рейхстага и своим огнем обеспечило накопление наших сил, Стенников организовал и возглавил группу автоматчиков в составе 10 человек, с которой уничтожил до 50 гитлеровцев, засевших у каменных зданий, мешавших продвижению наших стрелковых подразделений. Расчет первым подошел к рейхстагу и участвовал в водружении знамени Победы.

За дерзость, мужество и героизм в боях при форсировании реки Шпреи, захвате переправы и штурме Германского Рейхстага достоин присвоения звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.”

Правительство Германской Демократической Республики за героизм и мужество, проявленные при разгроме фашизма, наградило Стенникова в честь 25-летия Победы своим высшим орденом — “За заслуги перед Отечеством” в золоте. Этой же высокой награды были удостоены Герои Советского Союза Михаил Алексеевич Егоров и Мелитон Варфоломеевич Кантария, водрузившие Знамя Победы над рейхстагом.

Лeonид Петрович Литвак живет в городе Щучье. В 1942 году он ушел на войну. Участник Курской битвы. Был ранен, контужен. Окончил курсы младших лейтенантов. В составе 674-го полка 150-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта участвовал в штурме Берлина. Его взвод одним из первых ворвался в рейхстаг. Из всей 150-й дивизии Литвак сегодня единственный живой россиянин, непосредственный участник штурма рейхстага. Он рассказывает, как это было на

участке, с которого пошел на штурм гитлеровской цитадели его взвод: “Бой за здание министерства внутренних дел фашистской Германии, или “дом Гиммлера”, как его окрестили солдаты, шел к концу. Поздно ночью на 30-е апреля здание было полностью в наших руках.

Усталость валила с ног. Только теперь все почувствовали, как хочется есть и пить. Но стоило сесть на пол, как еда и все другое отошли на задний план. Ребята с оружием в обнимку тут же заснули, а нам, командирам, еще надо было решить множество неотложных вопросов: доставить пищу, боеприпасы...

Час спустя пришел командир роты лейтенант Греченков.

— Я от комбата. Батальон будет штурмовать рейхстаг. Наша рота тоже, — с неподдельной радостью сказал он. — Понимаешь?

Я не сразу поверил. Поняв мой немой вопрос, он развеял сомнения:

— Твой взвод пойдет в наступление первым, Фома неверующий!

Греченков повел меня вниз, в подвальный коридор. В конце его было окно.

— Присматривайся. Вот отсюда, через это окно, и начнем.

Взвод получил боевую задачу. Сомнения позади: нам штурмовать рейхстаг. Незадолго до выхода на исходный рубеж к нам в роту пришли замполит майор Евгений Сергеевич Субботин и парторг батальона лейтенант Каримджан Исаков. К бойцам взвода обратился майор Субботин:

— Товарищи красноармейцы! Боевые друзья! Вы только что получили от своих командиров боевую задачу и приказ на штурм последнего оплота германского фашизма — рейхстага. Перед вашим мужеством и отвагой не устояли отборные части берлинского гарнизона. Лишь несколько часов назад воины шестьсот семьдесят четвертого и семьсот пятьдесят шестого полков решительными действиями разгромили группировку войск СС в этом здании, где мы сейчас находимся. Это — зловещий “дом Гиммлера”. Перед вами — рейхстаг! — Его голос, обычно спокойный и ровный, зазвучал призывно громко. — Вам выпала высокая честь — добить заклятого врага в его же логове. Пусть на успешное выполнение задания Родины вас зовут те миллионы жизней советских людей, что отданы во имя святого дела — отстоять Родину Октября от порабощения! Вперед, друзья, во имя нашей окончательной победы над врагом! — И Субботин, подняв руку, указал в сторону, где находился пока невидимый нами рейхстаг.

Напутствие замполита мы восприняли как приказ Родины. По солдатским лицам можно было прочесть решимость выполнить свой долг до конца.

Наступал рассвет тридцатого апреля. Мы с командирами отделений подошли к окну. Рейхстага не видно: все застилал сгустившийся к утру туман, смешанный с дымом. Лишь чуть заметно выделялось невдалеке строение, оказавшееся впоследствии трансформаторной будкой. Решили использовать ее как прикрытие. А

Литвак Леонид Петрович

местом сосредоточения я назначил ров на площади перед рейхстагом, наполненный водой. Знал о нем по сообщению командира роты.

Решено было, что с первым отделением сержанта Василия Лосенкова пойдет мой помощник сержант Досычев. Я уйду с последними солдатами второго отделения сержанта Зуева. Третье отделение пойдет со своим командиром сержантом Федоренко. Заболотного назначил своим связным.

Мы ждали сигнала. Утро 30 апреля едва вступило в свои права, поступил приказ выходить. Без шума и суеты люди шли в коридор и стали вдоль стены, напротив окна длинной цепью.

Грянули орудия, их выстрелы всегда кажутся внезапными, и в один миг площадь заплескалась взрывами снарядов. Страшной силы сотрясение докатилось до нас. Минут через двадцать подаю команду:

— Приготовься... пошли! — и поднятую вверх руку резко опустил, будто рубанул клинком.

И завертелось. Без суеты, ступая на подставленный ящик, забирались солдаты на подоконник и исчезали. Замаячили фигурки: падают, опять бегут. Там уже Досычев с Лосенковским отделением. Что у них, как дела? Тревожно стучит сердце. Пошло и второе отделение Зуева. Кричу командиру третьего отделения Федоренко:

— Не задерживайся! Сам уйдешь последним! — и с последними солдатами второго отделения — рывок на площадь, в неизвестное. Связной — следом за мной.

Гитлеровцы встретили нас невероятно плотным огнем. Рейхстаг был окружен плотным кольцом обороны. Били из рейхстага, из-за него, с огневых позиций, находящихся непосредственно на площади.

Вздыбилась земля. Осколки и пули сыпались, что горох из мешка, прощупывая смертоносным металлом каждый метр земли. Дым от снарядов и пыль в несколько минут накрыли площадь. С трудом я добрался со связным до будки и вбежал через сорванную дверь внутрь ее. В нижней части трансформатора нет, он наверху. Но зато здесь полно солдат: спасаются от губительного огня. Вижу, тут место гиблое. Если сюда угодит снаряд, получится на всех один каменный гроб.

— На площадь, — кричу, — немедленно, марш на площадь! Всем развернуться в цепь!

“А-а-ах! — разорвался снаряд. Будка — ходуном. Все припали к полу. Но следом же — что ветром всех выдуло из нее. Третье отделение подошло. Стараются сюда забежать, втиснуться.

— Куда, — кричу, — вправо, в цепь!

Но меня почти не слышно. Себя, свой голос сам плохо слышу. Скорее мой решительный жест понимают, нежели слова. Покинули и мы с Заболотным будку, когда последние солдаты рассредоточились на площади.

По-пластунски добрались до ближайших воронок. Продвижения почти нет. Лишь одиночки бросаются вперед в воронки от снарядов.

Нас прижали основательно. Сколько же выдержки у солдат!

Губительный огонь гитлеровцев уже сам собою подхлестывал продвигаться к каналу. Передавая друг другу мой приказ, бойцы взвода продвинулись вперед.

Сделал несколько перебежек и я. Почти автоматически. Добрался до разбитой зенитки. Под ней лежат наши солдаты. Передохнули и снова по одному вперед.

Но продвижение взвода приостановилось: из укрытия почти непрерывно строчил пулемет.

Когда его засекли, сержант Зуев подполз к своему пулеметчику, закрепил на ручном пулемете магазин и сам стал бить по огневой точке очередями. Немецкий пулемет захлебнулся. Прекратил огонь и Зуев, полежал, подождал, не оживет ли точка вновь. И тут рядом с Зуевым упала мина, но... не взорвалась. Это было чудо. Зуев в горячке, подхватив пулемет, стремительно отбежал вперед на добрый десяток метров. И в этот момент разрывная пуля снайпера попала ему в голову. Зуев уткнулся лицом в землю.

Ползем вперед. На пути разбитые зенитки, врытые самоходки, бывшие огневые точки. Изуродовали их наши артиллеристы. А рядом со мной старший сержант Николай Такнов из своего “дегтяря” не дает расчету зенитки зарядить ее новой обоймой снарядов. Вместе с левофланговым отделением приближаемся ко рву. Из бойниц, замурованных камнями окон, рейхстаг поливал и поливал нас огнем. Бьют снайперы. Канал все ближе, ползем к нему. Скоро почти весь взвод оказался у первой цели. Кубарем влетаю в ров.

Подползает сержант Федоренко и докладывает:

— Все здесь, товарищ младший лейтенант, кроме... Бурко. Еще трое раненых. Один дальше идти не сможет, а двое ничего.

— Передохнем и махнем на ту сторону, — сказал я.

Вижу перекинутые через ров металлические балки не на уровне земли, а ниже. Согнувшись, можно перебежать. Так часть солдат и поступила. Некоторые переплыли канал. Я и несколько солдат подползли к “мостику”, стремглав бегу по балкам. Проскочил за один вдох и, не добегая до края, спрыгнул вниз и оглянулся назад. За мной бежали другие. Поверх голов — свист пуль. Вот последний благополучно спрыгнул вниз. Сразу же принимают вправо, вдоль откоса.

Не терпится глянуть на рейхстаг с близкого расстояния. Смотрю, согнувшись, бежит по рву Досычев. С ним Верещагин из отделения погибшего Зуева. Как я им обрадовался!

— Ну что, Коля, с первым успехом? Вон он, рейхстаг. Хотел на него взглянуть и к вам. Как на фланге, потери какие?

— Тяжело раненные есть.

Помолчали. Я уже знал, что убитых во взводе было четверо. Несколько раненых.

Снова потери. Ценой крови достается каждый шаг.

Рейхстаг в ста двадцати — ста тридцати метрах, как говорится, рукой подать. Ждем сигнала на штурм. Минут сорок, как во рву. Вдруг стал слышен полет снарядов. В ту же секунду они разорвались на примыкавшей к рейхстагу площади, отделявшей нас от него. По рейхстагу был произведен короткий артналет. Едва он стих, как покатилося: “Ура!” — и могучая сила подняла всех на штурм. Но встреченные губительным огнем гитлеровцев взводы откатились в ров. Единицы, кто сумел найти укрытие, остались немного впереди.

Первая атака не удалась. Стало ясно, что так просто рейхстаг не взять. Опа-

ленный снарядами и основательно пощипанный, он стоит крепко.

По зданию снова ударила артиллерия. Рейхстаг заволокло дымом и каменной пылью. После артподготовки вновь поднялись в атаку. Дружно, без перебежек. Очевидно, крепко потрясли там гитлеровцев. Расстояние до рейхстага проскочили стремительно. Отдельные очаги сопротивления оказались не в силах остановить нас.

Добравшись до ступеней рейхстага, боевые порядки взводов перемешались. Вбежав по ним, увидели, что входная дверь вынесена снарядом. В нее мы и ринулись. Ошеломленные гитлеровцы не успели оказать решительного сопротивления. Мой взвод тут же устремился в правую часть первого этажа. Тесня гитлеровцев огнем и гранатами вглубь здания, взвод ворвался в огромный зал. Там полумрак. Продвигаемся вперед, загоня гитлеровцев в неведомые нам убежища.

Кресла для депутатов, огромные дубовые столы, шкафы, сейфы нагромождены в виде баррикады и служили гитлеровцам прикрытием для обороны. Выбивать их приходилось буквально из-за каждого прикрытия. Наконец, мы вытеснили гитлеровцев из зала. Но бой на этом не закончился. По неведомым нам проходам гитлеровцы появлялись в темном зале внезапно, ведя огонь из автоматов, бросали гранаты. Теперь те же баррикады служили укрытием для нас. Появившись внезапно и получив достойный ответ, немцы так же внезапно и исчезали, будто провалившись под землю.

В такой обстановке прошла наша ночь в рейхстаге. Наступил день первого мая, а мы даже забыли, что он праздничный.

Немного освоившись в зале, разместил отделения на отведенных им участках. Изучив “свою” территорию, они легче ориентировались, откуда появляются гитлеровцы, а значит, и своевременно принимали ответные действия. Солдаты очень устали. От порохового и тротилового дыма слезились глаза, першило в горле, во рту пересохло, языки стали такими сухими, будто были пересыпаны горячим песком. Пить! Пить! Никогда в жизни не хотелось так пить, как в рейхстаге.

Только что отбили новую вылазку гитлеровцев. Такнов и Притченко еще лежат за пулеметом. Внизу, на площадке осталось несколько убитых гитлеровцев. Вдруг сержант Такнов поднялся и побежал к убитым собрать брошенное оружие. Не успел он добежать до площадки, как из-за колонны выскочил немец. Такнов опередил его, сделав очередь из автомата. Тот успел укрыться, но в тот же момент на ступени вылетела граната и взорвалась едва не у самых ног Такнова. Пламя и дым обволокли сержанта. Мы бросились к нему. Николай упал и закрыл лицо руками. Тут же подняли его на руки.

— Коля, дорогой, ты живой? — прошу его ответить. Василий Лосенков бросился с кем-то из солдат за гитлеровцем, и вскоре послышалась автоматная очередь. Лосенков прибежал обратно и вопросительно смотрел на меня.

— Живой, живой, — ответил я на его немой вопрос.

— Готов, гад! — остервенело сказал Василий не то Такнову, не то всем нам. Подбежали еще ребята и Николая осторожно и бережно понесли в вестибюль к докторам. Развернутый там медпункт уже получил название “госпиталь”. Санитар и медсестра кое-как сняли с него гимнастерку, а раны на груди, на руках, лицо изрезано до неузнаваемости.

— Как глаза? — спросил я.

— Не задело, — как-то буднично отвечал санитар, бинтуя голову Николая.

Мы находились еще в сильном возбуждении от только что пережитого, как кто-то громко крикнул: “Ложись!”. Из-за последнего ряда баррикады в зал полетели три гранаты. От их взрыва разлетелись обломки мебели. К счастью, никто не пострадал. Открыли по гитлеровцам огонь. Один из лазутчиков упал. Гитлеровцы стали спешно спускаться в люк. Пока мы добежали до замеченного солдатами места, они успели скрыться. Но важнее всего было то, что ребята увидели захлопнувшуюся крышку входа в подземелье. Вот, оказывается, где эта лазейка! Но мы знали, что есть где-то еще такая.

Тщательно осмотрели пол, у люка — поставил бойца, дал ему в руки обломок стула и велел его сунуть под крышку, как только она откроется.

Минут через тридцать ко мне прибежал Досычев.

— Говорят, в постройке возле рейхстага в чанах вода. Можно достать. Правда, откуда-то бьет снайпер, — добавил он и этак просительно сказал: — послать кого?

— О, Боже! Мало еще нам с тобой потерь?

— Ребята ослабли. Есть не просят, а попить..., — не отступал Досычев.

— Ладно, — говорю. — Котелки давай.

Оставив за себя сержанта Лосенкова, побежали с Досычевым к выходу из рейхстага. Два солдата, стоявшие тут с полными котелками, указали на низкое строение, похожее на времянку, с плоской крышей. И сразу предупредили:

— Опасно, из-за Шпрее бьет снайпер.

Отдаю Досычеву автомат, чтобы не мешал. Зажимаю в одной руке оба котелка и что было духу — вниз по ступеням. От крыльца до строения метров семьдесят. Мчусь. Очутился в надстройке, а там — точно — вода в огромных чанах. Припал к воде, пью большими глотками без передышки. Напившись, почерпнул воды и вылил себе на голову раз, другой. Намочил еще и пиютку. И такая бодрость наступила, будто вновь родился!

Подошел к дверям, посмотрел в щель между дверью и косяком. Была видна наружная стена рейхстаговского зала, а вдаль, за Шпрее, видны дома. Значит, оттуда, говорят, бьет снайпер. И кто это так точно определил? Он может находиться и в другом месте. Что снайпер есть, безмолвно “подтверждают” и два погибших солдата. Наполнил водой котелки и один из них завязал носовым платком, на другой натянул пиютку: меньше расплещется воды. Теперь только бы проскочить назад эти трудные метры.

Снайпер меня ждал. Но я не выскочил сразу, а быстро толкнул ногой вторую половину двери, будто из-за нее должен появиться человек. У снайпера нервы были на пределе, и удержаться от выстрела он уже не смог. На это я и рассчитывал. В тот же миг резко сорвался с места и, как говорится, не чувствуя под собой ног, помчался к рейхстагу. Стрелял он еще по мне или нет, не знаю....

...Вбежал, влетел обратно пулей, а сам — еле дышу. Во рту пересохло, будто и не пил воду. В котелках воды убавилось самую малость. Не напрасно сбегал. Сделал глоток, чтобы снять неприятную сухость во рту, и говорю Досычеву:

— Ребятам отдай. Сам попей сейчас же, но туда — ни-ко-го!

Вернулись в зал, а там событие: под приподнявшуюся крышку входа в подзе-

мелье боец Кнюх все же всунул ножку от стула! “Обработав” ход гранатами, туда спускались Васильев, Бородулин и Бабанин. Дошли до массивной двери, но никакими усилиями открыть ее не смогли. Побывали в подземелье и мы с Досычевым. Стены и потолок — бетонные. Слабый свет фонариков создает иллюзию загробного мира. Тяжело дышать от смешанных запахов взорвавшегося тротила, устоявшейся плесени и цементной сырости. От подвешенных электролампочек остались одни цоколи. Впечатление жуткое.

Мы возвратились обратно. Но ход не давал мне покоя, и когда на глаза попались огнеметчики, я им сильно обрадовался.

— Братцы, дело есть. Живо — за мной! — потащил их к открытому люку. — Вот в эту проклятую дыру “дыхните”, — попросил их.

— Есть, “дыхнуть”! — обрадовались огнеметчики. Тут же оба легли на пол, и струя воспламенившейся жидкости с тугим шипением и нарастающим гулом устремилась вниз. Загудело там, заплясало жаркое пламя, подобное смерчу. Ох, как здорово! Теперь кто сунется в подземный ход, тот окажется в сущем аду. Вылазки гитлеровцев из него прекратились.

Время перевалило за полдень. В сильнейшем возбуждении подбежал ко мне солдат Демьян Добрянский:

— Товарищ младший лейтенант! К рейхстагу через парк идет немецкий танк! Посмотрите, может, я напутал?

Я понял все, и волнение ознобом пробежало по всему телу при враз возникшей жуткой мысли: бить будет снарядами через окно! Это... Но рассуждать — недосуг. А мысли, что молнии. Вот когда пригодился расчет ПТРа! Подбежал к ним:

— За мной — живо! — И по пути приказал бегущему навстречу Досычеву: — Ручной пулемет ко мне!!

У окон, выходящих в сторону Тиргартен-парка, собралась едва ли не половина взвода. Я взглянул в бойницу и увидел, что движется не танк, а самоходка “фердинанд”. Ружье ПТР было установлено в бойницу рядом с ручным пулеметом, против ползущей самоходки. Автоматчики изготовились к бою у бойниц других окон. Вращая орудие, “фердинанд” подошел на довольно близкую дистанцию. Выжить, когда самоходка подойдет еще ближе, времени не было. Можно просто упустить роковой для себя момент. Нужно опередить ее. И я приказал открыть огонь. Сверху самоходка открыта, туда и ударили из всех наших огневых средств. “Фердинанд” резко остановился, и из ствола его пушки вылетел снаряд. Только, по всему видно, наш огонь помешал его экипажу точно навести орудие. Снаряд угодил выше и левее нас в мощную стену рейхстага. Стена вздрогнула, и взрыв эхом проник и в зал. А мы бьем, не переставая, уже второй диск сменили на пулемете. “Фердинанд” дал задний ход, не сделав больше ни единого выстрела. Так он стал удаляться, а мне подумалось, что теперь следует ожидать его огня с недосыгаемой для нас дистанции. Только скрыться или предпринять что-то другое самоходке не довелось: почти подряд два снаряда вонзились в ее левый бок, и самоходка вспыхнула, густо зачадив дымом. Мы облегченно вздохнули. Это означало, что подступы к рейхстагу со стороны Тиргартен-парка надежно перекрыты.

Наступила ночь. В половине двенадцатого она преподнесла нам новый сюрприз. Еще днем мы видели, что на сводчатом потолке, метрах в двух от стены со

стороны площади, были круглые отверстия сантиметров по шестьдесят в диаметре. Нисколько не сомневаюсь, что служили они для вентиляции зала. И вот ночью в той стороне на полу стали рваться гранаты. При вспышке кто-то разглядел, что их выбрасывают из отверстий. Осколки гранат до нас, моментально перебежавших к противоположной стене, не долетали. Их задерживала самими же немцами сооруженная баррикада. Лишь деревянные щепки со свистом взлетали вверх и в стороны. Не меньше десятка гранат было брошено в зал. Почти одновременно с этим была сделана попытка ворваться в зал со стороны лестничного марша, где пострадал Такнов. Но не спасовали наши пулеметчики. Гитлеровцы и на этот раз понесли солидный урон и вынуждены были скрыться.

Часа через полтора — еще сюрприз. Из отверстия в потолке вылетел огненный шар. Упав на пол, он с каждой секундой стал все сильнее разгораться, от него разлетались ослепительно белые искры. Я обомлел: гитлеровцы через вентиляционный люк выбросили в зал... термитный шар! Нас решили выжечь огнем! Что тут было делать? Верещагин, отстегивая на ходу саперную лопатку, попытался поддеть шар и выбросить его через бойницу. Но термит враз так ярко вспыхнул и от него посыпалось столько огнедышащих искр, что Верещагин едва успел отбежать. Вслед за ним Родионов, удерживая перед собой ведро и прикрываясь им, накрыл шар. Я метнулся за ним, схватил за рукав и потащил назад. Едва мы скрылись за дверью, как ведро стало оседать: сгорал металл! А от огненных брызг уже начали гореть мебель, пол. Кверху пополз огонь, и языки пламени стали пожирать буквально все.

Пламя стало распространяться и вглубь, и вширь. Огонь будто смеялся нам в глаза и издевался над нашим бессилием.

Большая часть взвода тушила горевшую мебель, пол. Но средств тушения не было никаких, просто хватали горевший предмет и сбивали пламя. Многие опалили гимнастерки, остались без пилоток, некоторые воины получили ожоги. Боролась с пожаром часа полтора. Но огонь взял верх над нами. Зал пылал теперь настолько сильно, что пришлось начать эвакуацию воинов. Стояли на ступенях, на площадке и ниже, в вестибюле.

Вдруг пламя вырвалось из зала в нашу сторону огромнейшим языком. “У-ух!” Застонало оно, ринувшись на нас, как в атаку. Загорелись входные двери и краска стены. Всех нас — как метлой смело вниз. Зрелище неопишимо страшное: будто с десятков огнеметов палят впритирку пламя к пламени.

А в вестибюле лежат раненые. Один из них, не в силах приподняться и понимая серьезность обстановки, выкрикнул: “Братцы!.. Помогите!” Воины, без намека на распоряжение командиров, начали дружно относить раненых в безопасное место, помогая медикам.

Я послал в штаб полка связного с донесением о положении, в котором оказался взвод. Он принес распоряжение оставить рейхстаг и занять оборону слева от него в наваленной гряде камней вдоль временной железнодорожной узкоколейки. Нам ставилась задача: отражать возможные атаки гитлеровцев из-за реки Шпрее через мост, откуда уже была предпринята такая попытка немцев.

Так я и поступил. С того момента, никто из нас больше в рейхстаге не были. Даже своих росписей и надписей на нем не оставили. Удаляясь от рейхстага, я

оглянулся. Его чрево светилось еще не погасшим пламенем через проломы и бойницы окон. На фоне убывающей ночи казалось, будто какое-то мифическое существо с множеством голов ощерилось раскрытыми, пламенеющими пастями и пытается, даже издыхая, все и вся испепелить. Но сила бывшего его “величия” иссякла, а победители уже готовы вложить меч в ножны.

Александр Александрович Косов уже 22 июня 1941 года принял боевое крещение и дошел до Победы, до последнего залпа в ней. Вот как он рассказывает о заключительных днях Отечественной войны: “Мы в Германии. Пришли сюда, чтобы навсегда покончить с фашизмом. Пришли как победители. Но вокруг нас немецкое население: родители и семьи тех офицеров и солдат, которые все эти годы творили неслыханные зверства и разрушения на нашей земле и теперь продолжают сражаться с нами с оружием в руках.

Так что же нам теперь – мстить и истреблять всех людей подряд? Сводить счеты: око за око, зуб за зуб?

Нет! Не мстить мы сюда пришли. За всю свою историю русский солдат никогда не был мстительным. Бил он немецких псов-рыцарей, бил татаро-монгольских поработителей, громил завоевателей Наполеона, и раньше бывал в Германии и Берлине. Грозен был всегда, но великодушен.

А геббельсовская пропаганда вогнала немцев в панику, запугала – русские будут поголовно всех уничтожать. Делалось это для того, чтобы каждый немец взял в руки оружие и дрался до последнего за фашистский режим.

У нас же строгие приказы: безоружных не трогать! За нарушение этого приказа – военный трибунал!

Гитлер считал, что битва за Берлин начнется на Одере. Поэтому немцы создали здесь могучие оборонительные рубежи. Три пояса обороны. И какой! Да и сама местность была выгодна для обороны. Зееловские высоты, могучие реки – Одер, Шпрее, Нейсе, Дане, многочисленные каналы, многие лесные массивы, озера, добротные кирпичные здания.

*Косов
Александр Александрович*

Но дух нашей армии, ее боевой опыт, мощь вооружения были к тому времени готовы преодолеть любые преграды. На нашем Кюстринском направлении наступление начиналось так. Ночью 15 апреля мой дивизион “Андрюш” ускоренным маршем переехал по понтонному мосту на западный берег Одера. Здесь уже все было забито войсками, которые надежно зарылись в землю, укрылись в лесных массивах. К утру зарылись в землю и мы. Укрылись под маскировочные сети.

Но дух нашей армии, ее боевой опыт, мощь вооружения были к тому времени готовы преодолеть любые преграды. На нашем Кюстринском направлении наступление начиналось так. Ночью 15 апреля мой дивизион “Андрюш” ускоренным маршем переехал по понтонному мосту на западный берег Одера. Здесь уже все было забито войсками, которые надежно зарылись в землю, укрылись в лесных массивах. К утру зарылись в землю и мы. Укрылись под маскировочные сети.

День мы вели разведку, осматривались на местности. Днем здесь как будто все замирало. 16 апреля была особая ночь.

Тревожная настороженная темнота окутывает плацдарм. Через окопы в наш тыл тянутся обры-

вистые нити трассирующих пуль. В небе часто вспыхивают ракеты, то в одном, то в другом месте. Взахлеб заливаются крупнокалиберные пулеметы. С Одера тянет сырой прохладой. Ночь перед штурмом. Затаилось, притихло все на плацдарме. Ночь темная, только вблизи можно различить расплывчатые силуэты САУ и танков, тяжелые артиллерия, стоящие почти вплотную друг к другу.

Гитлеровцы нервничают. Их пугает темнота, неизвестность и необычная, настороженная тишина, царящая на плацдарме. Идут последние минуты затишья. Все напряжены, как струны. И вот она, команда "Буря". Повторяется по телефонным проводам, выкрикивается голосами и катится по широкой равнине. Тотчас раздалось водопадное шипение "Андрюш" и "Катюш", оно сливается с оглушительным воем и грохотом тысяч орудий в единый гром. Огненный шквал в клочья разорвал тьму, расколол блеклое небо и бешено заплясал впереди, разбрасывая мягкую влажную землю. Задрожала и кольхнула под ногами земля. Зазвенел, засвистел и завыл разрывами воздух. Побагровело небо, а внизу, на кипящей взрывами земле, бушует бескрайняя огненная река, и брызги огня вихрятся все гуще и гуще, мерцающая и пылая переливающимися огнями. Впереди все клокочет и бушует, и немецкие позиции наглухо закрыты тучами дыма и вздыбленной земли. Вокруг все трясется, содрогается. С брустверов ручьями течет песок. А впереди, четко обозначив горизонт, бушуют и клубятся пляшущие языки огня.

Над нашими позициями взвились серии красных ракет - сигнал общей атаки. Послышались команды: "Вперед! Ура!", доносящиеся слева и справа. Огневой вал уже успел укатиться к горизонту, в самую глубину немецкой обороны. И тотчас недалеко от моего НП ударил свет. Сначала один, длинный и узкий, словно клинок сабли яркий луч встал вертикально, упершись острием в темно-багровый купол над плацдармом. Затем вспыхнули разом десятки других лучей. И все вок-

*"Зубы дракона" - железобетонные надолбы у Зееловских высот.
Апрель 1945 года*

руг - и земля, и развалины, и небо - вспыхнуло, заискрилось в сплошном, режущем глаза, слепящем, как солнечный диск, свете.

На НП все командиры приданных стрелковому корпусу частей вначале опешили от неожиданного, величественного царства огня и света. Затем поняли, что это мощные зенитные прожектора ослепляют врага, делают световую атаку. Засвеченный передний край обороны врага сразу придвинулся, стал резче, ближе. Пехота вывалила из укрытий и стала быстро двигаться по ноздреватому от воронок нейтральному полю. Орудийный грохот заметно стих.

Мой гвардейский дивизион сделал 4 залпа по скоплениям войск противника и один залп по железобетонным надолбам, делая проход нашим танкам в обороне врага.

Очень важным и сильно укрепленным рубежом были Зееловские высоты. Здесь шли наиболее тяжелые кровопролитные бои пехотных и танковых частей. Немцы сосредоточили на высотах много артиллерии и стрелков фаустпатронами, врыли в землю самоходки, танки, опоясывали высотки траншеями, построили дзоты. Они залили водой все канавы, завалили лесом дороги, чтобы затруднить продвижение наших танков. На улицах соорудили баррикады. Дымили леса, подожженные снарядами. Падали на шоссе обугленные ели. На лицах людей оседала копоть, но воины шли вперед, пробивая железо, камень, бетон.

На пути наших войск к Берлину, как сторожевые псы, лежали города. За каждый из них надо было вести жестокий бой. В пороховом дыму, в дикой пляске огня, в рыжей кирпичной пыли, оседавшей на деревьях, солдаты продвинулись вперед. А вокруг валялись сожженные танки, машины, разбитые пушки.

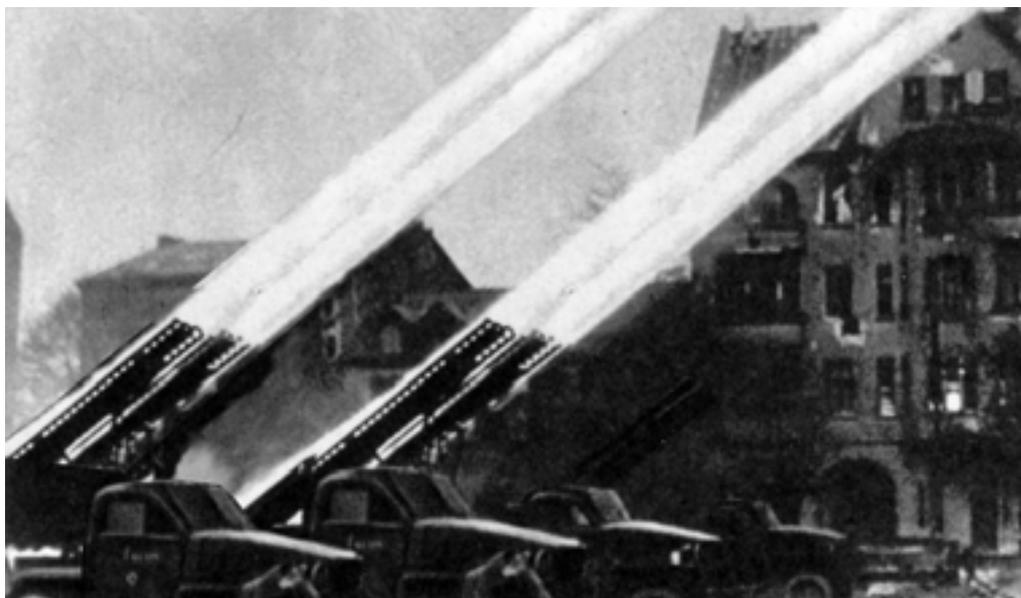
21 апреля мой дивизион РС с частями 47-й армии вышел на северо-западную окраину Берлина. Я получил радиogramму: “Дивизиону прибыть в квадрат 8 в распоряжение Кузнецова”. Мы направились туда.

Германская столица основательно разрушена. На каждом шагу гигантские воронки. Развороченный камень, бетон, сплюснутая арматура, битое стекло. И над всем этим облака кирпичной пыли и дыма. Фашисты бессмысленно, упорно сопротивляются. Это агония загнанного в яму волка. А мысль о бесполезности борьбы уже проникла в сознание многих немцев.

Было два Берлина. Мы это увидели своими глазами. Один – нанесенный на карту, в котором сражались наши войска, разбитый артиллерией и бомбами, другой – подземный, пещерный Берлин, в котором многие месяцы жило, спасаясь от бомбардировок, население столицы. Я с командиром разведки побывал у “пещерных немцев”, посетили подземные бункеры, подвалы, пещеры. Здесь было темно, сыро, душно, тесно. Людей, как сельдей в бочке, – дети, женщины, пожилые люди. На мой вопрос: “Давно вы здесь сидите?” Пожилой немец с печалью в голосе ответил: “Давно. Это нам Гитлер подарил. Обещал весь мир, а дал - эту пещеру”.

Может быть, сравнение не очень уместно в этих воспоминаниях, но что-то подобное получил наш народ от краснобаев, о горбачевско-Ельцинской демократии и процветании.

Первого мая меня по рации вызвал к аппарату начальник политотдела 5-й гвардейской Калининградской Краснознаменной ордена Ленина дивизии и спросил, когда я буду поздравлять личный состав дивизиона с Первомайским праздником? Я

Последний залп.

ответил, что выезжаю, а после поздравления прочитаю и приказ товарища Сталина. Он одобрил, и я выехал к парку за Александрплац, где находился дивизион.

Только поздравил бойцов с праздником и начал читать Приказ Верховного Главнокомандующего, как услышал необычный грохот. Я приостановил чтение и взглянул в сторону, откуда нарастал гул. Подумалось: “Вдруг немцы собрали последнюю авиацию и бросили на бомбежку наших частей, которые начали выходить из Берлина”.

Вдруг из-за высоких зданий показались 22 наших реактивных истребителя. Ниже их летели две пары штурмовиков, к которым были привязаны два огромных красных полотнища. На одном написано – “Победа!” На другом – “Да здравствует 1 Мая!”

Бойцы хлопали и кричали: “Ура!”.

Только вернулся в штаб, меня окликнул радист: “Товарищ майор, вас к радию вызывает десятый”. Под этим позывным значился командир нашей минометной бригады.

Я взял трубку.

- Воевода, вы действительно начинали 22 июня 1941 года?

- Так точно, товарищ генерал.

- Тогда и будете ее заканчивать. Маршал Жуков приказал найти в артчастях фронта вас, таких “зачинщиков”, и поручить поставить точку в войне. Все разъяснения получишь у “хозяина”.

Вскоре меня вызвал к себе командир 7-го стрелкового корпуса и сказал:

- Ты, молодой человек, счастливейший на свете. Верно, что в боях с первого дня войны?

- Верно.

- Тогда получай задачу. Нанесешь удар по укрепленным позициям Вильгельм

Кайзер. Твоему эрэсовскому дивизиону придется вразумить кое-кого из тупоголовых фашистов. Давайте вашу карту. – И он нанес квадрат предстоящего удара.

- Готовность залпа к какому времени, товарищ генерал?

- К 18.00. Сегодня в 4.00 был парламентар от Бормана – фельдмаршал Кребс, просил прекратить военные действия на 2-3 дня, чтобы собрать правительство Германии для решения вопроса о капитуляции.

Вел переговоры с Кребсом маршал Соколовский и заявил парламентару, что если до 18.00 не будет согласия о капитуляции, то на немецкую группировку будет обрушена вся сила советских войск.

Вот к этому времени и будете готовы. Все ясно? Выполняйте.

Огневую позицию я выбрал на Александрплац. Но она была завалена кирпичом, балками разрушенных зданий. Построил бойцов дивизиона и сказал, что сегодня с этой площади нужно будет дать последний залп по врагу. На нем война кончится.

Но прежде надо расчистить площадь для подхода сюда ракетных установок. Бойцы под крики “Ура!” взялись за дело. Через два часа проходы для техники на площадь и площадку для реактивных установок были расчищены.

Все было выполнено согласно приказа точно и в срок.

В 18.00 я связался с командиром артиллерии 7-го стрелкового корпуса.

- Значит, Борман все еще думает. Подождем еще с полчаса.

В 18.30 наш эрэсовский дивизион всей своей мощью ударил по последнему опорному узлу немцев в Берлине. Это событие запечатлели военные кинооператоры для исторической фильмотеки страны.

Полковник Михаил Данилович Воробьев родом из деревни Воробьевой Шумихинского района, участвовал в боях с первого дня войны. Ему посчастливилось участвовать и в штурме Берлина. Вот как он рассказывает об этом: “29 апреля наша 47-я гвардейская дивизия форсировала Шпрее и вела бои в Берлине. Кто воевал, тот знает, что бои вести в населенных пунктах и городах очень трудно. Ну а в таком большом городе, как Берлин, особенно.

Пример. У нас наблюдательный пункт находился на чердаке пятиэтажного дома. Напротив, через улицу такой же дом, который занимают поэтажно: 1-2 этажи русские, а выше — немцы. Поэтому очень трудно было применять авиацию, артиллерию, танки. Расчет только на оружие ближнего боя: винтовку, автомат, пистолет, гранаты. Мне пришлось наблюдать, как завязался бой на пятом этаже дома напротив. Дело дошло до рукопашной, и в открытые окна наши солдаты выкидывали гитлеровцев.

День и ночь ни на минуту не утихал бой. Дом

*Воробьев Михаил
Данилович*

за домом, улицу за улицей отвоевывали мы у немцев.

С 1 на 2 мая ночью по приказу командира корпуса готовились к решающему бою. 2 мая должны были выйти в самый центр Берлина и овладеть Трептов-парком, королевской площадью.

К 24 часам 1 мая все было готово, но в 00.30 минут 2 мая раздался телефонный звонок. Командир дивизии полковник Семченко подошел к телефону. Командир 137 гвардейского стрелкового полка полковник Власенко докладывал, что на участке его полка перешел линию фронта немецкий полковник, назвавшийся начальником штаба оборонительных сил Берлина, с ним два офицера. Командир дивизии приказал всю группу доставить в штаб.

Доставленный полковник представился — “полковник фон Дуфвинг, начальник штаба 56-го корпуса”. Он очень, волновался вид у него был удрученный. На вопрос полковника Семченко “Сколько войск обороняет Берлин?” Ответил:

— Гарнизон Берлина сформирован из частей 56-го танкового корпуса, 9-й армии, усилен частями, которые дислоцировались в городе. Всего войск 200 тысяч.

Он передал, что генерал Вейдлинг просит советское командование немедленно начать переговоры о перемирии:

— Наш фюрер покончил с собой, за ним последовал со своей семьей Геббельс. Судьба других соратников фюрера неизвестна. Вся надежда на Кейтеля.

Обо всем было доложено командующему 8-й гвардейской армии генерал-полковнику Василию Ивановичу Чуйкову и получено распоряжение: опустить полковника к генералу Вейдлингу, а офицеров, пришедших с ним, оставить. Через полтора часа полковник Дуфвинг должен прибыть вместе с генералом Вейдлингом.

В 3 часа ночи 2 мая первым переступил наш порог высокий худощавый старик в генеральском мундире. Вся его фигура казалась обремененной непосильной тяжестью, потухшие глаза лишь временно оживлялись болезненным блеском.

Командир дивизии предложил ему сесть. Он тяжело дышал и некоторое время сидел с закрытыми глазами.

— Назовите себя, генерал,— обратился к нему наш командир дивизии полковник Семченко.

— Вейдлинг, генерал артиллерии, командир 56-го танкового корпуса, с некоторых пор комендант округа обороны Берлина.

В голосе его чувствуется брюзжание кичливого старца. Генерал обращается с просьбой к нашему командиру дивизии, просит организовать ему встречу с представителями высшего командования Советской Армии.

— Я уже отдал части сил приказ о капитуляции. Полагаю, он будет встречен одобрительно. Скажите, может немецкий генерал рассчитывать на помилование?

Генерал Вейдлинг задал много вопросов, на которые ему отвечали командир дивизии полковник Семченко и начальник политотдела полковник Николаев. Прибыл начальник разведки 8-й гвардейской армии и увез Вейдлинга в штаб к Чуйкову.

Встреча с немецким генералом очень нас взволновала. Невольно вспомнился 1941 год. Наверное, генералу тогда даже и в голову не могла прийти такая мысль

о сегодняшней миссии. Ну, а мы всегда знали, что так и будет. Только не могли представить в деталях, как оно будет, и когда. Настоящий немецкий, фашистский генерал, наделенный такой властью, и пришел с просьбой к нам, коммунистам, советским людям, которых он и за людей не считал.

Только поведение у генерала было довольно странным: он все время осматривал комнату, вертелся, будто ожидал кого-то здесь встретить. Поведение генерала объяснилось очень просто. В разговоре с нашим командующим Василием Ивановичем Чуйковым генерал Вейдлинг с обидой на судьбу сказал:

— Да будет Вам известно, генерал, что полчаса тому назад ваш полковник, будто по злой иронии судьбы имел неповторимый случай допрашивать меня в моем доме, в моем личном рабочем кабинете.

Каково? Такого сюрприза судьбы и мы не ожидали. А перед самым рассветом был получен приказ: “Гарнизон Берлина капитулировал, назначенный штурм отменяется за ненадобностью. Войскам выйти на свои направления для принятия капитуляции, завершить пленение военнослужащих фашистской армии. Об исполнении донести”. Радости и ликования не было предела.

2 мая части фашистской армии были построены в колонны и в назначенных пунктах бросали в кучу оружие, знамена и сдавались в плен. В тот же день, 2 мая, помню, когда мы с группой офицеров и солдат проходили по Тиргартен-парку, то

Раздача продуктов советскими войсками жителям Берлина. Май 1945 год

навстречу нам попадались не люди, а звери: газели, медвежата, слонята и даже громадный слон. Все обитатели зоопарка разбежались от страшной артиллерийской канонады. А самый большой бегемот лежал, тяжело раненный.

В тот же день мы побывали в рейхстаге, оставили свои росписи на стене и в имперской канцелярии. Сфотографировались на память у рейхстага. Когда мы вышли на площадь к Бранденбургским воротам, то увидели большое скопление наших солдат и офицеров — это поэт Евгений Долматовский читал стихи. На всю жизнь запомнились слова, как бы написанные специально для нас: “Идут гвардейцы по Берлину и вспоминают Сталинград”,

Особенно шумно и весело было в Трептов-парке. Здесь были воины нашей дивизии. Весело голосили гармошки, аккордеоны, под зву-

ки которых солдаты громко пели любимые фронтовые песни и удачно плясали. К вечеру, когда мы возвращались к месту расквартирования, то ноги ломило от усталости, а голова отказывалась соображать. Столько враз пришлось увидеть, что, казалось, не было еще такого дня в жизни. Он был радостным, мы остались живы. А с другой стороны, видели за день и много ужасного. По всей территории, где мы побывали, лежали еще десятки, сотни трупов. Улицы все завалены кирпичами, хламом, дома еще горели. Чад и дым ели глаза. Столько было впечатлений, что ночью никто не спал.

3 мая в Берлин прибыл Анастас Иванович Микоян. В своем выступлении он передал от ЦК партии, правительства и всего советского народа большую благодарность воинам за то, что они поставили фашистскую Германию на колени. Он же отдал распоряжение - организовать питание немецкого населения, что было сделано. Наша дивизия должна была обеспечить питанием улицы, прилегающие к площади, Бранденбургским воротам и рейхстагу.

Сначала было мало населения. Но голод не тетка. С каждым часом, днем жители убеждались, что мы пришли не для того, чтобы сводить счеты с детьми и стариками, и прониклись к нам доверием. А 9 мая мы уже вместе с немецким населением праздновали день Победы.

Так закончилась самая тяжелая для нашего народа Великая Отечественная война, принесящая нам великие испытания. Закончилась со славою нашего оружия. Еще раз был преподнесен урок истории фашизму и еще раз подтвердились слова великого русского полководца Александра Невского: “Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет. На том стояла, стоит и стоять будет земля русская”.

Думаю, здесь будет правильным и праведным на следующих страницах дать слово любимцу фронтовиков, замечательному поэту фронтовику Александру Твардовскому:

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

*В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.
В конце пути, в далекой стороне,*

*Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.
До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.
Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.
И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.
Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.
И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,*

*Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.
Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;
И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;
И с теми, что под самую Москвой,
В снегах глубоких заняли постели.
В ее предместьях на передовой*

*Зимою сорок первого; и с теми,
Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанным не чуждою рукою.
Со всеми — пусть не равен их удел, —
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел:
Такой был срок ему отпущен малый.
Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ,
Со всеми, до единого со всеми
Простились мы. И смолкнул гул пальбы
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.
Но вновь и вновь появится листва,*

*И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.
И не затем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не затем, нет, не затем одним,
Что ветры войн шумят не утихая,
И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были, —
Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них В своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчасти?*

*И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека?
Что ж, мы — трава? Что ж, и они — трава?
Нет. Не избыть нас связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.
К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.
Вам не услышать их и не прочесть.*

*Строка в строку они лежат немыми.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.
В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.
Я ваш, друзья, — и я у вас в долгу,
Как у живых, — я так же вам обязан.
И если я по слабости солгу,
Вступлю в тот след,
Который мне заказан.
Скажу слова без прежней веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых,
Я ваш укор услышу бессловесный.
Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.*

КАПИТУЛЯЦИЯ в фотографиях и документах

На снимке: слева направо Бернард Лоу Монтгомери, английский фельдмаршал, командующий 21-й группой армии, расположенных в Нормандии, Бельгии и Северной Германии, Дуайт Дейвид Эйзенхауэр - Верховный главнокомандующий экспедиционными войсками западных союзников с 1943 года, в 1945 году командующий оккупационными силами США в Германии, Герой Константинович Жуков - Маршал Советского Союза, командующий первой французской армией генерал Жан Латр де Тассиний.

Подписание Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Представитель Советского Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков(на снимке крайний слева). Справа - Акт подписывает от Верховного Командования фашистской Германии генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель. Карлсхорст, 8 мая 1945 года

ОБРАЩЕНИЕ ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА СТАЛИНА К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ 9 МАЯ 1945 ГОДА

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение Акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день Великой Победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеваться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: “Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться”. Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться, — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто противоположное тому, о чем бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует Победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Берлин, май 1945 год:

12 МАЯ 1945 ГОДА

Верховный главнокомандующий Вооруженными силами Советского Союза Сталин точно охарактеризовал обстановку, сложившуюся после подписания Акта о безоговорочной Капитуляции вооруженных сил фашистской Германии. На территории Чехословакии еще оставалась чуть ли не миллионная фашистская группировка, которую предстояло принудить к выполнению Акта о капитуляции. Это было непростой задачей. Как это происходило на одном из участков, рассказал бывший военный комиссар Курганской области Герой России полковник Плотников Дмитрий Павлович, участвовавший в боях с первого дня Отечественной войны и встретившийся с одной из вооруженных групп фашистской армии уже после Дня Победы:

*Плотников
Дмитрий Павлович*

“Это случилось 12 мая 1945 года. Я тогда командовал разведбатом 9-го механизированного корпуса, и после подписания Акта о Капитуляции получил приказ выйти в указанный район и встать батальоном по демаркационной линии, оговоренной и подписанной с союзными нам войсками.

Война приучила: разведчикам по хорошей дороге лучше не двигаться. Патрули, засады, мины чаще всего и поджидают там. Если была возможность, я своих разведчиков вел по проселкам. Так, проселками и вышел с юга к селу Брежмицы, куда мне и было приказано двигаться. Смотрю, стоят в перелеске пять бронемашин, ранее мной не виданных, без экипажей. Двинулись в село. А там американцы гуляют. Пообнимались мы с союзниками, похлопали друг друга по плечам, осушили по маленькой. А потом пришлось мне их попросить вернуться за демаркационную линию, в оговоренную зону. Они упираться не стали.

Расквартировались мы в Брежмицах. Я выслал дозор - не на запад уже, а на восток по шоссе. В моем разведотряде было одиннадцать бронетранспортеров, четыре бронемшины, две противотанковые пушки и четыре 82-миллиметровых миномета.

Часть фашистов из окруженной группировки к тому времени сдалась, другие стремились уйти на запад, к американцам. И вот одна из таких групп немцев, примерно в 13 тысяч солдат и офицеров, решила прорваться через Брежмицы. Наш дозор засек эту колонну на переезде железной дороги, проходившей километрах в двух от села. Я приказал минометчикам открыть огонь. Случилось это вечером 11 мая. Колонна немцев мощная: впереди - шесть самоходок, а дальше битком набитые грузовики с солдатней.

Минометчики колонну остановили. И всю ночь вели заградительный огонь. Боезапас уже на исходе. А связи со штабом корпуса - ни по радио, ни телефонной - еще нет. В отряде у меня около 130 человек, перевес у фашистов стократный.

Пойдут напролом - массой сомнут. Да и бронетранспортеры против самоходок не сдюжат. А гибнуть да еще после капитуляции Германии, ох, как не хотелось!

На рассвете 12 мая отправил я к фашистам для переговоров своего замполита, капитана Дудникова. Приказал выкатить обе наши пушки на прямую наводку. Туда же направил и бронетранспортеры, чтоб немцы видели. Ждем. Вернулись наши парламентарии, привозят с собой троих немцев. Старший - майор СС. Начинаем разговор через переводчика. Я сразу взял жесткую линию. Так, мол, и так, приказ - не пропустить вас на запад - мы выполним любой ценой. Поймите, герр майор. Война закончилась, герр майор, зачем же еще проливать кровь?

- Мы хотим на запад. Мы будем прорываться, - упрямылся немец.

- Прорывайтесь. Я вызову подкрепление, - блефую в открытую. На стене висел бездействующий телефон-вертушка. Крутанул ручку, прижал трубку к уху, и начал импровизировать:

- Прошу генерала Волкова. Здравия желаю, товарищ генерал. Нет, капитулировать отказываются, решили прорываться. Что нам требуется? Две роты танков, артбатарею и пяток "катюш". Понял, через полчаса жду... - и повесил трубку. Все это я говорил почтительно, выдерживая паузы, а немец-переводчик мои слова шептал майору на ухо.

- Мы капитулируем, - нехотя сказал майор. Наметили с ним условную линию, где должны остановиться самоходки, и через которую уже не перешагнет ни один немецкий солдат.

Майор уехал к своим. Минут через двадцать немецкая колонна двинулась к Брежминцам. Сердце у меня ходуном заходило: остановится? Не остановится? Артиллеристы мои припали к окулярам.

И вот у условной черты, покачнувшись, затормозила первая самоходка. Впри-тык - вторая, третья... Экипажи принялись выбрасывать на обочину снаряды. И тут к немецким САУ подошли заранее проинструктированные мои разведчикитанкисты. Шесть фашистских самоходок, уже с русскими экипажами сошли с шоссе и развернулись пушками против колонны. Разоружение сразу набрало темп и уже через полчаса на север в село Рожмитал, где расположился штаб 9-го гвардейского механизированного корпуса, двигалась пешая колонна пленных. Конвой - те шесть самоходок и десятка три разведчиков. А неподалеку от Рожмитала колонну встретили три танка.

Таким вот запомнился этот очень трудный, несостоявшийся последний бой".

Дмитрий Павлович любит вспоминать и о своих дипломатических успехах в ту памятную весну: "22 мая 1945 года мне поручили передать гостевое приглашение командира нашего корпуса американскому генералу. Поехали к американцам вдвоем с замполитом. У американцев встретил нас начштаба, поскольку сам генерал Хелмик отсутствовал. Он предложил сперва выпить за дружбу американской и русской армий. Два капрала наполнили рюмки. Чокнулись, выпили виски. А потом нас пригласили отобедать. Ну, по нашей русской простоте мы думали: где-то стол приготовлен. Приезжаем на окраину Пльзеня в чешское кафе. Сидят за столиками чехи, нам покивали. А в углу - столик свободный, нас уже ждут. Подали обед из "сухих яиц", как звали у нас яичный порошок. А мы-то думали... Короче, решил я американцам на деле показать русское гостеприимство.

На следующий день кортеж генерала двинулся в наш штаб через Брежмицы. Я

построил своих солдат - четыре шеренги по 25 человек, проинструктировал. И вот - едут американцы. Встретил их мой “почетный караул”. Время в запасе было. И я пригласил гостей перед встречей в штабе перекусить по-русски. Мы стол заранее сервировали, у чехов всякой зелени купили, закуску, спирт трофейный поставили. Этот стол союзники минут за двадцать опустошили: наголодались на своих “сухих яйцах” да на тушенке.

Не буду описывать, как свозили мы гостей в штаб корпуса, как их там принимали. Сувенирами обменивались, звездочками, пуговицами... Очень мне понравился американский генерал Хелмик - и простотой своей, а главное тем, что добро отозвался о моих разведчиках. “Какой сувенир ему подарить?” - думаю. В разведбате у нас служил сапожник Иванов. Он, можно сказать, всех нас обувал. И надоумил меня замполит: подари, говорит, генералу хромовые сапоги! Только надо мерку снять. Через переводчика я передал свое желание генералу. На обратном пути наш сапожник снял мерку. И вскоре мы доставили Хелмику подарок.

Под вечер 24 мая получаю письмо и пакет из американского штаба. Ясно, на английском языке. В штабе перевели текст:

“Дорогой майор Плотников! Позвольте выразить высокую оценку вашему щедрому подарку пары сапог. Они прибыли сегодня утром. Я был изумлен, что ваш сапожник смог сшить их за такое короткое время. Они совершенно подошли и они восхитительны. Они будут долго напоминать мне о нашей дружеской встрече и вашем сердечном гостеприимстве. Я высылаю вам в отдельном пакете один из пистолетов нашей регулярной армии. Надеюсь, вы примете его как выражение оценки вашей доброты и великодушия. С пожеланием будущих успехов и благополучия вам и вашей прекрасной команде. Искренне ваш Хелмик, бригадный генерал США, Командующий”.

Письмо это с тех пор храню, как реликвию, как память о нашей дружбе с союзниками. Кстати, генеральский подарок мы с одним американским майором опробовали. Сделали по мишени по пять выстрелов. Он все пули пустил в “молоко”, у меня - две десятки, три девятки.

ПАРАД В БЕРЛИНЕ

Парадным строем в 45-й году у Бранденбургских мы прошли ворот - вспоминает танкист Александр Серков из Далматово. До парада Победы в Москве состоялся парад Победы союзнических войск в Берлине. Об этом знают у нас немногие. Мне посчастливилось быть его участником.

Кроме советских войск, штурмовавших Берлин, в этом торжестве приняли участие американские, английские и французские войска, которые прибыли сюда для несения оккупационной службы в отведенных им секторах западной части города. И поскольку парад должен был принимать лично Жуков, он несколько раз в окружении большой свиты приезжал на площадь для репетиций. Мы обступали плотным кольцом машину маршала, заводили беседу с офицерами из его окружения, личным шофером.

Шофер — Александр Николаевич Бучин, очень гордился тем, что провозил

Жукова всю войну. “В машине, вообще в дороге Георгий Константинович проводил очень много времени. Тут обедали и спали, писали приказы, снимали с высоких постов и награждали, проводили оперативные совещания, — говорил нам как-то водитель Жукова. — За годы войны Жуков сменил несколько автомобилей. Были у него “Эмка”, “Бьюик”, “Хорьх”. Однажды под Киевом Георгий Константинович, побывав в штабе 1-го Украинского фронта, решил детально ознакомиться со сложившейся обстановкой и на соседнем 2-м Украинском фронте, штаб которого располагался в городе Кременчуге. Расстояние по карте 500 километров, но по фронтовым дорогам оказалось намного больше. В пути были почти сутки. А вот на Калининском фронте, — продолжал свой рассказ шофер, — угодили в распутицу. Из-за бесконечных дождей практически по полному бездорожью 50-километровый отрезок преодолевали более 8 часов... - За годы войны только с шофером Александром Николаевичем Бучиным Жуков проехал 170 тысяч километров.

Серков Александр

Лично мне из рассказов встречавшихся с Жуковым людей особенно запомнились высказывания о его заражавшей всех вере в нашу победу. Его никогда, даже в самые трудные дни, не видели подавленным. Усталым — да, озабоченным — да, а вот подавленным — никогда.

...Три дня я готовил свой танк Т-34 к торжественному прохождению у Бранденбургских ворот и поверженного Рейхстага. От мастерства механиков-водителей зависела слаженность и четкость движения всей колонны. Моя “тридцать четверка” не подвела, как и в бою, так и на марше не заглохла, не поломалась. Видимо, не зря из всей дивизии именно нашему экипажу было предоставлено это почетное право на участие в Берлинском параде Победы.

У поверженного рейхстага в парадном строю проходят советские воины

Фотоснимки с Парада победителей в Берлине сделаны Александром Дмитриевичем Пиносовым из села Каширино Кетовского района.

ТОСТ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ТОВАРИЩА СТАЛИНА НА ПРИЕМЕ В КРЕМЛЕ В ЧЕСТЬ КОМАНДУЮЩИХ ВОЙСКАМИ КРАСНОЙ АРМИИ

Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. *Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего, русского народа.* (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура»).

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю этот тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941 — 1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы уже сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верит

*Фотография на память на приеме командующих войсками Красной Армии
в Кремле 24 мая 1945 года*

в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа! *(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты.)*

НА ПАРАДЕ ПОБЕДЫ В МОСКВЕ

Боевой путь сержанта Николая Ивановича Плотникова начался на огненной Курской дуге. Его родной 457 минометный полк в составе 23-го танкового корпуса под командованием Героя Советского Союза генерала Пушкина Ефима Григорьевича, прорвав оборону немцев, освобождал Донбасс. В составе 8-й гвардейской армии генерала Василия Ивановича Чуйкова минометчики вместе с танкистами корпуса вышли за Северный Донец, освобождали Кривой Рог, Одессу, участвовали в разгроме Яско-Кишиневской группировки немцев, брали Будапешт, освобождали Вену.

За мужество и боевые успехи минометчики были удостоены многих наград. Их полк к завершению войны уже назывался 457-й минометный Краснознаменный, орденов Суворова и Александра Невского, Ясский полк. И когда гитлеровцы в Берлине капитулировали, минометчиков и танкистов корпуса бросили из-под Вены на освобождение Праги. Здесь и поставил свою точку войне наш земляк Николай Плотников. Солдаты радовались Победе, солнцу и весне. Полк стоял вблизи Братиславы. Был банный день. У всех почти домашнее настроение, разговоры о скорой демобилизации...

В подразделение к связистам зашел капитан Милевский.

— Сержант Плотников, срочно к командиру полка. Одна нога здесь, другая — там.

— Что случилось, товарищ капитан?

— Узнаешь на месте.

Командир полка встретил Николая Ивановича улыбкой и вопросом:

— В Москву поехать хочешь, сержант?

— Конечно, хочу. А как мои товарищи - солдаты?

Иосиф Виссарионович Сталин и Георгий Константинович Жуков на Мавзолее

Победители на Красной площади

— Тогда через 20 минут в полной форме сюда. Поедешь на машине в штаб корпуса. Как орденоседец и геройский боец будешь представлять наш полк на Параде Победы. А солдаты твои подождут, пока из Москвы вернешься.

В Братиславе сформировалось два железнодорожных эшелона участников Парада Победы от 2-го Украинского фронта — 1600 человек.

Эшелоны шли по стране под триумфальные и сердечные встречи с населением. Цветы, крепкие рукопожатия, приветствия, митинги. И так везде, где эшелоны делали остановки.

Москвичи встретили победителей на Киевском вокзале. И снова цветы, приветствия, музыка и море людей.

Разместили бойцов 2-го Украинского фронта близ Сокольников, по улице Стремнинка, 32. Началась подготовка к параду. Вначале строевая подготовка проходила днем. А ближе к дню парада стали заниматься в парке Сокольники с 12 часов ночи и до утра. Все отработали до автоматизма. Получили новую форму: танкистские комбинезоны, шлемы, краги.

И вот оно, 24 июня. Утро выдалось пасмурное. Только колонны построились к маршу на Красную площадь, стал накрапывать мелкий дождичек.

Фашизм повержен

На площади выстроились по фронтам. Главными были части Карельского фронта.

Перед десятью часами утра на площади верхом на конях появились Маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский со своим адъютантом, а когда послышались первые удары Кремлевских курантов, из Спасских ворот на белом коне выехал Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. За ним следовал на коне его адъютант. Взоры тысяч солдат-победителей устремились к Маршалу-легенде.

Напротив Мавзолея Ленина маршалы встретились. Рокоссовский четко отпортовал, что войска для Парада Победы построены. И развернувшись,

Жуков и Рокоссовский поскакали к головной колонне. Два, может быть, самых славных конника страны, будто влитые в седла, как боги, парили перед войсками. Это были самые яркие и трепетные мгновения в жизни каждого из стоящих на площади воинов. Они не чувствовали, что промокли до нитки. Огонь волнительного торжества и восторга переполнял души. Они живы! Они выстояли и победили! Они в сердце Родины, на Красной площади столицы! Гордись их мужеством, Отечество! Дивись, мир!

А по площади уже катились приветствия и дружное “У-р-а! У-р-а! У-р-а!”

После речи Маршала Жукова с трибуны Мавзолея всколыхнулись в едином порыве колонны.

Брошены к подножью Мавзолея знамена и штандарты хваленых и разбитых гитлеровских полков, дивизий и армий. Чеканя шаг, проходит по площади сама Живая Гордость и Слава Вооруженных Сил Отечества!

Более полувека прошло с того памятного дня. А в памяти он живет и останется навсегда.

Николай Иванович сегодня на заслуженном отдыхе. Вместе с женой Валентиной Максимовной они вырастили четырех дочерей. Всем им дали высшее образование: Нина — учитель. Вера — финансист, Галина — медицинский работник, Ирина — инженер-кибернетик.

РАЗГРОМ ЯПОНСКОЙ АРМИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Разгром и капитуляция гитлеровской Германии еще не означали, что Вторая мировая война закончилась. Она прекратилась в Европе, но на Дальнем Востоке продолжались боевые действия Японии против Китая, США и Англии. Советский Союз, верный своим союзникам и обязательствам, не мог оставаться в стороне от войны с Японией. Его вмешательства требовали и интересы безопасности советских дальневосточных границ. В период войны Япония занимала враждебную Советскому Союзу позицию вопреки своим обязательствам по договору о нейтралитете.

У нашего народа был особый счет к Японии. Воспользовавшись поражением царской России в войне 1904—1905 годов, японцы захватили Южный Сахалин и утвердились на Курильских островах. Они закрыли для нашей страны все выходы в океан. Япония много раз пыталась отторгнуть от России весь Дальний Восток.

Готовясь к нападению на Советский Союз, фашистская Германия предусматривала в своих планах взаимодействие с Японией. Япония ждала лишь удобного момента для нападения на Советский Союз и этим сковывала наши значительные силы на Дальнем Востоке. Поражение немецко-фашистских войск под Москвой, а затем под Сталинградом заставило японских милитаристов призадуматься и отодвинуть на неопределенное время нападение на Советский Союз.

5 апреля 1945 года Советское правительство довело до сведения японского правительства, что договор о нейтралитете, срок которого истекал, не будет возобновлен, как потерявший свой смысл, в связи с тем, что Япония активно помогала фашистской Германии в ее войне против Советского Союза. 8 августа 1945 года Советское правительство объявило о состоянии войны с Японией.

В операции по разгрому японской армии на Дальнем Востоке участвовали три фронта, десять общевойсковых армий, одна танковая и три воздушные армии, Тихоокеанский флот и войска Монгольской Народной Республики.

Главнокомандующим войсками на Дальнем Востоке был назначен Маршал Советского Союза Василевский Александр Михайлович.

Забайкальским фронтом командовал Маршал Советского Союза Малиновский Родион Яковлевич.

1-м Дальневосточным фронтом командовал Маршал Советского Союза Мерецков Кирилл Афанасьевич.

2-м Дальневосточным фронтом командовал генерал армии Пуркаев Максим Алексеевич.

Тихоокеанским флотом командовал адмирал Юмашев Иван Степанович.

Войсками Монгольской Народной Республики командовал Маршал Чойбалсан. 9 августа 1945 года советские войска начали наступление на Маньчжурию из районов Забайкалья, Благовещенска и Приморья. Перешла в эти дни в наступление против японских захватчиков и Народно-освободительная армия Китая.

Многие наши земляки после завершения войны в Европе, проследовали в воинских эшелонах через родную Курганскую землю, продолжили свой боевой путь на Дальнем Востоке.

Через Большой Хинган

*Катков
Федор Григорьевич*

В конце мая 1945 года наш земляк, родом из деревни Бочаговка Лебяжьевского района генерал-лейтенант Катков Федор Григорьевич был срочно вызван в Москву. Там он узнал, что решением правительства 7-й механизированный корпус, которым командовал с 1943 года, перебрасывается на Дальний Восток. В конце июня корпус сосредоточился в Монголии, в 30 километрах юго-восточнее города Чойбалсан. Июль прошел в напряженной учебе по ведению боевых действий в условиях безводных, степных и гористо-пустынных районов Большого Хингана, по умению совершать стремительные многокилометровые марши по бездорожью, преодолевать горные перевалы.

К 28 июля корпус с приданными ему частями Забайкальской мотострелковой дивизии, двумя артиллерийскими и одной инженерно-саперной бригадами, полком “Катюш” совершил 350-километровый марш и сосредоточился в районе города Томсак-Булак, в 30 километрах от японских пози-

ций. 9 августа перед генералом Катковым была поставлена задача: нанести стремительный удар из района юго-восточнее города Томсак-Булак, обойдя укрепления Квантунской армии, и за пять дней преодолеть отроги Большого Хингана. Глубина операции на первом этапе составляла почти 350 километров. Корпус должен был к исходу пятых суток достичь города Туцюань, а в дальнейшем вести наступление на город Чанчунь (глубина операции 800 километров).

Картина движения механизированных войск была величественной. Позднее командующий писал об этом в своих воспоминаниях: “Двигались тысячи различных боевых машин и орудий, десятки тысяч мотострелков на бронетранспортерах и автомашинах, а также другая боевая техника. В небе, прикрывая наступление нашего корпуса с воздуха, летели истребители и штурмовики... Корпус шел пятью колоннами и протяженность каждой составляла 45-50 километров. В первый день этого величественного марш-маневра корпус прошел 180 километров, и передо-

вые отряды вышли на ближайшие подступы к отрогам Большого Хингана”.

Несмотря на такое стремительное движение, генерала Каткова мучительно беспокоила мысль о том, как бы противник не упредил его, заняв и укрепив горные перевалы. Тогда не избежать тяжелых боев и потерь. И Федор Григорьевич принял решение стремительно выбросить на перевалы сильный передовой отряд на машинах высокой проходимости. 10 августа перевалы в горах Большого Хингана были заняты. Это обеспечило успешное продвижение главных сил корпуса. А осуществлять его было очень не просто. Об этом свидетельствует сам генерал: “Горные маршруты были очень трудными. Крутые подъемы и спуски. Местами проходы были настолько узкими, что в связи со стремительным продвижением расширять проезжую часть приходилось при помощи взрывчатки, танки и машины спускать на тросах”. Но несмотря ни на что, за трое суток войска корпуса преодолели хребет Большого Хингана. За это время они прошли более 450 километров и выполнили первую часть боевой задачи на два дня раньше намеченного срока.

Спуск с перевалов местами был еще сложнее. Возникла острая нехватка горючего и, чтобы выполнить основную задачу, пришлось сливать горючее из части боевых машин. Заправлять им мобильные отряды. Первый такой отряд, состоящий из 41-й гвардейской танковой и 64-й механизированной бригад, полка самоходных установок, дивизиона “катюш” и инженерно-саперных частей шел под непосредственным командованием генерал-лейтенанта Каткова. 14 августа после короткого и горячего боя он выбил японцев из города Таонань. При этом была наголову разгромлена кавалерийская дивизия противника и взято в плен около полутора тысяч вражеских солдат и офицеров.

К исходу 17 августа стало ясно, что трехсоттысячная Квантунская армия потерпела полное поражение, так как за восемь дней боев противник потерял только убитыми около 70 тысяч человек. На следующий день японское правительство объявило о капитуляции, и в течение десяти дней была полностью разгромлена более чем миллионная группировка войск противника. Японцы потеряли около 700 тысяч солдат и офицеров, из них 83.737 человек убитыми и 594 тысяч пленными. В числе пленных было 148 генералов и адмиралов. 7-й механизированный корпус, заняв город Чанчунь, приступил к разоружению японских частей. Во время опроса пленных японских генералов Федор Григорьевич задавал один и тот же вопрос: из каких соображений японские войска не заняли и не укрепили перевалы на горах Большого Хингана? И почти все они в один голос ответили, что японскому командованию и в голову не приходило, чтобы в это время, начала сезона дождей, через пустынные степи Внутренней Монголии, по трудно проходимым тропам гористой части Большого Хингана могла пройти такая огромная масса танковых и механизированных войск. Японские генералы не скрывали своего изумления по исполнению этой блестящей военной операции.

После капитуляции милитаристской Японии корпус был переброшен в город Порт-Артур. И здесь, на Тихом океане закончился его многотрудный военный поход. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1945 года за стремительный переход монгольских пустынь и через горный хребет Большого Хингана, освобождение городов Туцюань, Таонань, Чанчунь и других Федору Григорьевичу Каткову присвоено звание Героя Советского Союза.

И на Тихом океане свой закончили поход

Умело действовал в боях с японцами и Тихоокеанский флот. Вот как вспоминает о тех днях старшина Василий Карпенков, живущий в селе Кетово: “Эскадренный миноносец “Войков”, на котором я служил, принимал участие в Сейсинской операции на восточном побережье Северной Кореи. Через порт Сейсин шло основное снабжение Квантунской армии из Японии. Взятие этого порта имело очень большое значение для успеха в войне. Порт оборонял гарнизон из 5 тысяч человек с полным вооружением. Была проведена крупная десантная операция, в которой участвовал и миноносец “Войков”. Порт Сейсин был взят с большими потерями с обеих сторон. Квантунская армия была отрезана от снабжения. Эскадренный миноносец “Войков” после Сейсинской операции был направлен командованием флота, совместно с отрядом торпедных катеров, принимать капитуляцию Японского гарнизона в Корейском порту Гензан. На подходе к порту эсминец был атакован японской подводной лодкой, которая выпустила по “Войкову” торпеду. Она была вовремя

*Карпенков
Василий Яковлевич*

Моряки Тихоокеанского флота вернулись в Порт-Артур. Сентябрь 1945 года

замечена, командир корабля сумел совершить спасательный маневр, лодка была потоплена. За активное участие в боевых действиях и уничтожение японской подводной лодки эскадренный миноносец “Войков” был награжден орденом Красного знамени, таким же орденом был награжден командир корабля, орденами и медалями была отмечена вся команда корабля”.

Таким образом, с 9 по 19 августа 1945 года части Красной Армии и Тихоокеанского флота разгромили главную ударную силу Японии — Квантунскую армию. Советские войска очистили от японцев северо-восточные провинции Китая, Маньчжурию, города Дальний и Порт-Артур, издавна принадлежавший России Южный Сахалин, а также Курильские острова и освободили Северную Корею.

Могучий удар Советских войск решил исход войны на востоке. Вторая мировая война закончилась.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПО ВОЙСКАМ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ ОТ 3 СЕНТЯБРЯ 1945 ГОДА

2 сентября 1945 года в Токио представителями Японии подписан Акт о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил.

Война советского народа, совместно с нашими союзниками против последнего агрессора — японского империализма — победоносно завершена. Япония разгромлена и капитулировала.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю Вас с победоносным завершением войны против Японии.

В ознаменование победы над Японией, сегодня, 3 сентября, в день Праздника Победы над Японией, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту победу, — двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть живут и здравствуют наша Красная Армия и наш Военно-Морской Флот!

**Верховный Главнокомандующий
Генералиссимус Советского Союза Иосиф Сталин**

Трудящиеся Китая встречают советских воинов

В обращении Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке к китайскому народу перед началом военных действий подчеркивалось, что *“армия великого советского народа идет на помощь союзному Китаю и дружественному китайскому народу. Она и здесь, на Востоке, поднимает свои боевые знамена как армия-освободительница народов Китая, Маньчжурии, Кореи от японского гнета и рабства”*. (*“Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа”*, М., 1975, с. 89).

Советские воины – носители высокой духовности и добрососедства приняли все меры по организации медицинского и продовольственного обеспечения населения освобожденных районов Китая.

Таким образом, советский воин, олицетворивший лучшие качества своего народа – патриотизм и подлинно человеческий гуманизм, – не только отстоял свободу и независимость своей Родины, но и принес освобождение многим народам Европы и Азии. Думаю, здесь будет уместно вспомнить, рассказать об этих замечательных качествах российского народа и воинства.